

Ален Гри



12+

Неправильный Египет



Ален Гри

Неправильный Египет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43317019

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-09661-5

Аннотация

Две тысячи лет тому назад три Сущности под предводительством Четвёртого совершили побег со звезды Бетельгейзе и очутились на Земле. Приняв людской облик, каждый – свой, они разбрелись по свету. В наши дни, отыскивая и отслеживая пути перерождений всех четырёх, их преследует Исполнитель в образе ведьмы Анны. Ей предстоит решить, покончить ли с бунтовщиками или самой их возглавить.

Содержание

Книга 1. «Неправильный Египет»	5
Семнадцатое октября 2017. Москва	5
19 лет назад. Москва. Тома и Альберт	16
Апрель 2017. Людмила	19
Май 2017. Хургада. Ахмед	23
Июль 2017. Деревня. Дед Николай Андреевич	26
1991 год. Где-то в Подмосковье. Николай Бессонов	31
Четырнадцатое октября 2017. Москва.	33
Двадцать пятое октября 2017. Москва	38
Следующий день, двадцать восьмое октября 2017. Отчаяние	44
Тридцатое октября 2017. Деревня. Бабки	47
Начало ноября 2017. Москва. Гадалка Анфиса	55
Ноябрь 2017. Москва	59
Двадцать пятое ноября 2017. Подмосковье. Художник Бессонов	68
Тридцатое ноября 2017. Египет. Тома и её любовь	71
Середина декабря 2017. Кладбище	77
Декабрь 2017. Египет. Яхсис	80
Январь 2018. Египет. Яхсис	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Ален Гри

Неправильный Египет

Светлой памяти

Моих бабушки и дедушки Матрёны Григорьевны и Николая Арсентьевича

(хотя вряд ли сия писанина им понравилась бы).

А также замечательного художника Николая Бессонова (его картина «Ночной полёт» – до мурашек, а его душа – потёмки).

История создания

Каждая строчка написана в Египте, исключительно после полуночи.

Книга 1. «Неправильный Египет»

Семнадцатое октября 2017. Москва

Похороны проходили вежливо. Солнца не было, стоял странный октябрь: тёплый, мягкий, почему-то совсем без дождей. Небо копило, чтобы излить всю злобу в ноябре.

Участок на кладбище был живописным, с двумя породистыми, не очень старыми клёнами, которые осенью выглядели наиболее эффектно: оранжево-красно-бордовые переливы листьев на одном дереве и иссиня-фиолетово-вишневые на другом даже заслужили внимания пары местных пейзажистов, несмотря на место.

Было всего человек тридцать, из которых Тамара знала только половину, остальные присутствующие были из преподавательского состава университета, и студенты, которые хотели пропустить сегодняшние занятия по «уважительной причине» и бесплатно пообедать.

Тамара скользила потерянным взглядом по пыльной обуви чужих людей, потом переключилась на выкрашенные в чёрное и белое кладбищенские ограды, надгробья разных мастей и времён, и, наконец, уставилась на широкий ствол одного из кленов.

На пожухлой траве у красного клена претенциозно сидел

большой черный кот и пристально жёлто смотрел прямо ей в глаза. Потом кот с достоинством поднялся на четыре лапы, вытянув хвост трубой, томно и плавно протер боком ствол дерева и направился (она не сомневалась) к ней.

Тамару передернуло, она почувствовала, как волосы на руках вздыбились. И показалось ей, так явно и четко, что сейчас этот черный кот ускорится, со всего разбегу прыгнет на нее, и, царапая со всей силы ее застывшее лицо, станет грызть ей уши, и в ушах у нее застучат его хищные зубы: «Ты, ты, ты, стыдно, стыд...». И он зашипит, отрывая куски кожи, пытаясь перегрызть ей шею, чавкая её плотью...

Она моргнула, и видение исчезло, а кот свернул к ближайшей могилке, его бархатная шерстка отсвечивала на солнце. Он проплыл между прутьев оградки, взошел на свежий бугорок рыжеватой земли, кокетливо понюхал место, аккуратно вырыл ямку и грациозно нагадил на последнюю обитель «Егоровой Дарьи Михайловны 1917-2017гг.», гласила незамысловатая подпись на временном деревянном кресте.

«Какой пассаж», – подумала Тома и беззвучно, странно, горько засмеялась, только грудная клетка истерично подергивалась, а стоявшая рядом мать Тамары решила, что дочь бесслёзно рыдает.

К стыду своему, Тома не испытывала чувства горя. Она думала о бомжеватых копателях, ожидающих вторую часть оплаты за услуги, о том, хватит ли места в автобусе, о том, готова ли уже университетская столовая, и о том, как бы по-

быстрее со всем этим покончить. С самого утра она ничего не ела, её подташнивало от голода и нервного напряжения, голова начинала ныть. Она посмотрела на стоящего рядом Петрушу, и пришли слезы.

Восьмилетний Петруша не совсем понимал, что происходит и физически не хорошо себя ощущал. Он держал за руку бабулю, Людмилу Ивановну, маму Тамары. Людмила Ивановна непрерывно гладила внука по голове и что-то бормотала под нос, какие-то бесполезные обрывки утешений, непонятные ребенку. Рука, как робот, повторяла одно и то же движение и тяжелела, тяжелела... Тяжело было и на душе у Людмилы Ивановны. Будучи мамой, тещей и бабушкой одновременно, она всегда думала, думала много, думала много плохого, копалась в деталях прошлых диалогов между Томой и зятем Альбертом. Она подозревала нехорошее, порчу, сглаз, кару небесную, неведь что. Всё же было как у людей! Конечно, всё в этом мире держалось только на ней: и дочь, и зять, и, тем более, внук. Что бы они без нее делали! Сколько советов пересоветовано, сколько указаний ценных дадено, а уж денег сколько вручено, борщей вкусных сварено, бессонных ночей с Петрушей проведено... Петруша...

Этот год с Петей было странно. Вроде и любила она его без памяти, а в последнее время, как стал болеть, ей было с ним неуютно. Хотелось ему помочь, но не получалось, а так как основной целью ее жизни с самого рождения внука стало его воспитание, Людмила Ивановна сильно страдала душой,

чувствуя себя неполноценной и бесполезной.

В этом году Петя часто пропускал школу. Не свойственные его возрасту перепады давления, необъяснимые головные боли, слабость в ногах. То всё вместе, то по отдельности. Ни в местной, ни в областной больнице четкого диагноза никто не ставил, Людмила стала подозревать, что знакомые врачи уже и вовсе прячутся от их семьи. В доме появилось странное слово – «истощение».

Провожая Альберта в последний путь, Тома и её мать Людмила копошились в памяти, вспоминая как впервые в дом пришла беда. Больше года прошло.

Тогда, в прошлом назад, в ноябре, уныло бредя домой с полными пакетами из продуктового, подходя к своему подъезду, Тамара увидела знакомую куртку. Петруша лежал на земле боком, у палисадника, школьная сумка стояла рядом. Запаниковав и бросив всё у заборчика, женщина подбежала к сыну и стала тормошить. Потом обняла и прислушалась – дышит. Тома с надеждой стала оглядываться по сторонам, но никого не было. Тогда она взяла сына на руки и донесла до лавочки у подъезда, потом до лифта, потом до дверей квартиры. Наконец, раздев и уложив Петю на диван, вызвала скорую.

Петр лежал бледный, с глубокими синяками под глазами и слабо дышал.

– Что сказал доктор? – Людмила Ивановна сосредоточенно пыталась прочесть врачебные каракули в медицинской

справке Петруши.

– Хорошо, что не замёрз. Пока говорить что-то рано. Давление понижено, они должны сделать какие-то анализы. Скорее всего, что-то в школе. Одноклассник Пети, с которым они вместе возвращались из школы, сказал, что они просто играли у дома. У меня что-то не складывается, мне кажется, он врет. Я пойду говорить с его родителями, и еще с Анфисой, мамой Анечки, которая на несколько классов старше Пети, Аня сказала, что видела Петю с Артёмом у нашего дома. Артем сказал, что оставил Петю у подъезда, бодрого и веселого, – Тома сидела у кровати в больничной палате, накинув на плечи белый халат, и держала спавшего сына за руку.

Через четыре дня после Петрушиного приступа, Людмила Ивановна, проходя мимо редких рядов любителей домашнего зверья, увидела небольшую симпатичную клетку в стиле ретро с лимонной канарейкой, которая ежилась от холода. Клетка и птичка приглянулись Людмиле: они вписывались в её нежный домашний интерьер. Подумав об одином внуке, сидящем в домашнем карантине, Людмила Ивановна принесла Петру подарок.

– Мой сладкий, а что я тебе купила!

– Ба? Что? – глаза Петруши попытались радоваться.

– А вот что! – бабуля классическим жестом фокусника приподняла клетку, широко улыбаясь.

– Живая?! Ба! Люда! Дашь покормить?

– Конечно, дам! И кормить, и убирать. В общем, будет тебе о ком заботиться. Теперь ты будешь с ещё большим удовольствием у меня оставаться на ночь.

Канарейка, то ли отогревшись, то ли, потому что попала в обстановку с новыми людьми и запахами, сильно разволновалась, оживилась, и стала метаться по клетке.

– Смотри, как рада! Замерзла совсем на улице. Я и корм купила. Встать сможешь, милый?

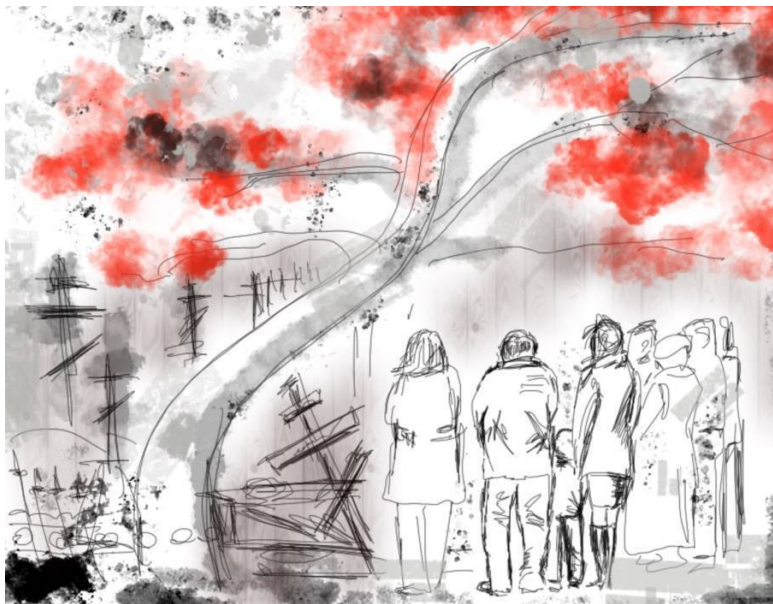
А еще через пару недель и Тамара оживила домашним питомцем свою квартиру.

Котов Тома всегда любила. И после пережитых ужасов с сыном, восприняла кота у двери как знак, как надежду. Дворовой кот (или от кого-то сбежавший) сидел у двери и смотрел на хозяйку квартиры. Обычный и ничем не примечательный, беспородный, рябой, со стандартными жёлто-зелеными глазами. Подкупало, что чистый.

«На меня похож...», – подумала Тома и стала открывать замок. Кот юркнул внутрь, как будто боялся, что женщина передумает. Тамара не передумала. Насмотревшись популярных репортажей о том, как кошка спасла ребёнка от нападения соседского бульдога, о том, как подъездная кошка согрела и тем самым спасла брошенного младенца, она решила – почему бы и нет?

– И имя тебе будет...ммм... обычное. Василий будешь.

Кот с интересом нюхал воздух, и ему было всё равно, как его будут здесь звать.



На похоронах Альберта вся семья была в сборе, кроме кота Васьки, который имел в жизни своей крайне негативный опыт с мертвяками, усопших не любил, частенько сбегал, пропадал неведомо где и предпочитал при погребениях не маячить.

Позади Тома мял в руках тёмную, парадно-выходную кепку дед, Николай Андреевич. Тамара стояла рядом со своей матерью и ребёнком, и со стороны человека, который их не знал, могло показаться, что Людмила Ивановна и Петру-

ша – это мать и сын, а Тома – просто какая-то посторонняя. В сорок восемь Людмила Ивановна Капцова выглядела лет на десять моложе своего возраста. Стройная, отчасти из-за «породы» (по-научному – генетики), но в большей мере из-за исключительно здорового образа жизни и благодаря «стальным яйцам». Тома, к сожалению, пошла в отца, и от матери не взяла ни внешности, ни характера.

Невзрачная, как шторы в учительской, незапоминающаяся обладательница скромности, которая не украшает человека, а портит жизнь, Тома себя не ценила. Девочка класса с восьмого стеснялась своей не по годам развитой груди и широких бёдер, не умела пользоваться косметикой; а сейчас, в свои тридцать, была совсем блёклой на фоне эффектной, несмотря на траур, Людмилы Ивановны.

Усопший муж Тома и отец Петруши, Альберт, лежал в гробу в новом костюме и накрахмаленной сорочке, безмятежный и аккуратный. Казалось, он доволен тем, что его сейчас опустят в землю, которую он всегда любил. При жизни его глаза озарялись радостной искрой только в предвкушении поездки на раскопки.

Альберт уважал землю, которая бережно хранила ценнейшие и интереснейшие свидетельства прошлого, мурашки счастья пробегали по его спине, когда удавалось добыть хоть что-то мало-мальски заслуживающее внимания университета или музея. Ну, или, на худой конец, достойное занять своё место на одной из его книжных полок.

Похороны – удивительный ритуал. Светлана, университетская подруга Тома, задумчиво и медленно рассматривала пришедших проститься с Альбертом людей. Она искоса посмотрела на Людмилу. Красивая, ухоженная женщина. Из-под темного гипюра выбивались светло-русые волосы с медовыми переливами, твёрдый, но очень тревожный взгляд. Почему природа дала ей такую неказистую дочь?

Света и Тома дружили с самого университета. Как это часто встречается, две полярно противоположные, они сошлись на том, что вместе удобно.

Света была наполнена жизнью и не терпела одиночества. Ей было приятно Томино восхищение ею. Света много говорила и очень любила, когда её молча слушают. Тома завидовала Светке, и сама не знала, белая ли это зависть, или чёрная. Тамара не понимала, что Светлана в ней нашла, и почему они вместе. Тамаре нравилась Светкина наглость, самоуверенность, умение себя подать, способность угадывать и понимать людей. Тома гордилась тем, что Света выбрала именно её себе в подруги. За совместные веселые походы в кафе, боулинг и караоке платила Света, а ещё звала на бесплатные процедуры в своём спа-центре. В целом активная жизненная позиция Светланы вселяла в Тому светлый лучик надежды на... На что именно, Тамара сформулировать не могла. Тома как будто жила Светкиной жизнью.

После магистратуры, выйдя замуж за Альберта, Тома никак не находила применение своей бесталанности, и имела

несчастье поработать кассиром, продавцом, кладовщицей, специалистом в пенсионном фонде. Всё это в течение одного года. Скромный преподавательский бюджет мужа не позволял ей быть домохозяйкой. Но потом появился Петруша, и Людмила Ивановна, плотно войдя в их жизнь, взяла семью на своё обеспечение.

Странные чувства читала Светлана в лицах похоронных гостей: вот интерес, любопытство, скука, озабоченность, вот этот, должно быть, думает, когда настанет его черёд уходить. Не было следов горя и отчаяния. Никто не скорбел. Альберт и при жизни не вызывал у кого бы то ни было ярких эмоций, такой уж был человек.

Декан факультета размышлял о том, где же он теперь найдёт нового египтолога, археолога и преподавателя одновременно, который будет готов, как Альберт Матвеевич, самоотверженно, без интриг, вопросов и взяток просто делать свою работу.

Тамара под монотонное бормотание батюшки, как загипнотизированная, пялилась на место, куда недавно нагадил чёрный кот. «Я просто кучка кошачьего...» – с остервенением накручивала себя она.

Гроб стали заколачивать. Неожиданно сильный и резкий поток по-осеннему холодного ветра поднял в воздух женские юбки и столб пыли, сильно фыркнули клёны, выпуская в ясное небо тучку мелких воробьёв, и несколько ярких алых листьев рывком упали на белоснежную рубаху покойника.

В голове у Тамары что-то вспыхнуло и взорвалось, она потеряла сознание. «Земля еси – и в землю отыдеси», – глухим эхом отдавался в ее голове низкий стон батюшки. Лицо батюшки расплылось, громыхая жутким хохотом, осталась только бездонная дыра на месте, где был его рот; дыра стала приобретать очертания головы черного кота, кот хохотал, изрыгнул кусок деревянного креста и стал его грызть, плюнул опилки Томе в лицо и широко улыбнулся...

Тома посмотрела вниз и увидела, как ее ноги увязли в оранжево-коричневатой кладбищенской земле. Она попыталась выбраться, но лишь погрузилась глубже, в метре от нее, прямо на могильном холмике сидела сухонькая старушка в грязно-серой длинной юбке и с видом штатного философа шустро вязала спицами.

– Пошто ты, Тома, житие свое так похерила? – причмокивая и покачивая головой, беззубо шамкала старуха, – гниль в душу свою впустила, веру православную от ся отодвинула? Издохнешь, як собака, на чужбине...

Тома потянула к ней руки в спасительной мольбе, а старушка протянула ей спицу в ответ и ехидно прищурилась, больно уколов руку. Глубже и глубже затягивало Тому, земля, засасывая, жгла, все тело горело в склизкой жиже, со всей мочи Тамара крикнула и очнулась.

19 лет назад. Москва. Тома и Альберт

При жизни Альберт был человеком тихим, спокойным, начитанным всякой разной ерундой, которая позволяла называть его мужчиной интеллигентным, но в реальной жизни никак не помогала. Много лет он исправно ходил в университет, из которого выпустился, с одним и тем же потертым дипломатом, чередуя одни и те же три костюма, два из которых достались от отца, а третий был куплен на его выпускной. Археолог, он в какой-то момент погрузился глубоко в историю и, вероятно, так из нее и не вынырнул. Таких людей немало, и люди мирские, увы, их часто считают неудачниками. Их легко обмануть, они никогда не пересчитывают сдачу в супермаркете, считают книгу лучшим подарком, они часто одиноки и не поняты в своей религии. Чрезмерная любовь к археологии, неумение лизоблюдствовать и непредумышленная бестактность по отношению к начальству ставило жирную точку на карьере Альберта.

Всё школьное последствие Альберт был жутко неуверенным в себе. В этом ему помогли родители, которые боготворили Эйнштейна, и не подумали о том, что сын их, Альберт Булкин, будет до конца своих дней тихо ненавидеть это имя и свою фамилию, а еще больше их сочетание.

Альберт от природы был умён, пытлив, усерден и трудолюбив, вырос замкнутым, закомплексованным идеалистом.

Он ожидал от коллег – честности, от начальства – справедливости, от своих студентов – искреннего рвения к учебе, в общем, он жаждал несуществующего, вследствие чего принципы и надежды его с завидной регулярностью разбивались о действительность.

Тамара заканчивала магистратуру и не знала, что делать дальше. Она знала, чего хочет, но это «что-то» все никак не наступало.

В садике, в возрасте шести лет, услышав чьи-то перешептывания: «нирыбанимясо», она интуитивно сообразила, что говорят о ней. В школе, а потом в университете, она мечтала, что вот-вот появится ОН и разглядит в ней необычную женщину, или позарится на её тургеневскую красоту, и мир перевернется. Подходил к концу последний год обучения. На практике, выездных раскопках, она присмотрела Альберта. Её тело поднывало, требуя мужских рук, а объект был не испорчен женским вниманием. Представлялось возможным отмыть и откормить его, а потом рожать, быстрее рожать и окунуться с головой в ощущение нужности, погрязнуть в материнстве и оправдать свое существование. Спокойный и тихий Альберт наверняка останется верным. Напрягая всё своё небогатое воображение, Тома уже мысленно впечатывала в книгу своей жизни стандартные женские заблуждения: она сделает всё, чтобы его перевоспитать, научить жизни, поможет продвинуться по службе, расскажет, как еще можно заработать. Говоря короче – хороший мате-

риал в умелых руках.

Альберт, погруженный в себя и древности, не ожидал. Она покорила его плавными роскошными линиями своего избыточно женственного тела и пирожками с капустой. Альберт сдался быстро и без боя, не до конца осозная, что происходит. Тамара в качестве законной супруги въехала в трёхкомнатную квартиру, которая досталась Альберту Булкину от почивших с миром родителей. Тихий район, на первом этаже спа-центр, совсем рядом продуктовый, детский сад и школа.

Рьяно взявшись за холостяцкую берлогу историка и археолога, обросшую мелким и крупным хламом, Тома вплетала в мужской хаос нити порядка. На кухне поселился запах сдобы, салфетки и скатерть, а запылённые сковородки узнали, что помимо глазуньи ещё существуют котлеты. Заниматься работой Бертику никто не мешал, и он находил присутствие в своей жизни жены милым.

В первую же неделю Тома обратила внимание на приклеенный к стене меж книжных полок разворот, вырванный из середины какого-то журнала. Репродукция картины маслом современного художника цыганского происхождения Николая Бессонова «Ночной полёт», 1991 год. Притягательный профиль юной длинношейей ведьмы, летящей на метле. Тамара слегка хмыкнула и вздёрнула плечом – красиво. И Тома, тщательно сложив листок несколько раз, запихнула его подальше, в одну из советских энциклопедий.

Апрель 2017. Людмила

Девочка. Рождённая девочка обречена. Не ковырай в носу, причешись, помощница, терпи... Должна быть красивой и уметь всё: стирка, уборка, готовка, ребёнок, иначе променяют на более расторопную.

Стандартное среднестатистическое воспитание мальчиков в нашей постсовдепии, в основном, бывает двух видов: либо «утипусичное» мамино, либо «подзатыльниковое» папино.

С самого Петиноного рождения Тома оградила Альберта от обязанностей отца. Она заполнила собой всё пространство вокруг сына, и Бертик безропотно принял это как данность, сопротивляться было себе дороже. Хотя из-за домашнего заочения Петра, они в последнее время часто вместе читали.

Петя тяготел заботой матери. Ему нравилось с отцом, книги с загадочными картинками, интересны были странные вещицы, которые папа тащил в дом иставлял везде, где только было место.

Людочке Капцовой (Людмиле Ивановне) было всего восемнадцать, когда она родила дочь Тома. Это была недолгая связь. Юной неискушённой провинциалке он казался солидным принцем, но уже через три недели бросил её. Она была не в состоянии полюбить этого ребёнка, хотя поначалу старалась. Со всех сторон веяло осуждением – она без мужа,

ребенок без отца. Дочь мешала не нагулявшей девчонке. Не давала высыпаться, быть красивой, отдыхать, выходить в свет, знакомиться с мужчинами и работать. У Люды опускались руки. Скоро семья поняла, что Томе лучше быть с бабушкой и дедушкой. Маленькая Томочка скучала, каждый раз, каждую новую встречу с надеждой льнула к матери. Но со временем Люда поняла, что Тамара – это копия отца. Ребёнок стал для неё постоянным напоминанием о том, что её бросили, и посещения отчего дома она прекратила.

Ночами, на съемных квартирах, она захлебывалась от слез горя и ненависти к самой себе, но потом нашла выход – ложь, жёсткость, целеустремленность, работа.

Только спустя годы, пройдя сквозь небольшую череду постылых и потрёпанных мужских тел, наступив на многие мужские и женские головы, она достигла того, к чему стремилась – материальной стабильности и полной независимости. Но почувствовала пустоту, и её потянуло к Томе. Люда понимала, что безвозвратно упущено важное, что невозможно повернуть время вспять и всё исправить, но нашла в себе силы объясниться с дочерью.

Тома стала принимать помощь от матери скрепя сердце. Но почему нет? Это её мать и у неё нет других детей. Зато есть деньги и желание наверстать упущенное. Постепенно они стали ближе, а рождение Пети примирило их окончательно.

На майские праздники 2017-го года, когда никто и пред-

ставить себе не мог, что через полгода Альберта не станет (семейство было сосредоточено на недуге Петра), Людмила Ивановна решила сделать дочери и ее семье серьезный подарок – путешествие. Она, в очередной раз оставшись приглядывать за Петей, убирала пыль с книжных полок и краем глаза смотрела, как Альберт делает пометки и выписки.

– Чем занимаешься?

– У меня есть странное предположение, – зять ответил неожиданно охотно, будто обрадовался, что кто-то его об этом спросил, резко снял очки для чтения и немного прикусил дужку.

– Насчет Египта... Пирамид, дворцов... Мне кажется, всё совсем не так, как нам преподнесли. Это масштабный обман, афера, позволившая целому государству и группе определённых людей неплохо заработать и отвлечь мир от более серьёзных событий.

– Ты серьёзно, Бертик? Так глобально? – Люда заулыбалась и с оттенком сарказма в голосе произнесла, – и ты намерен «перевернуть этот мир»?

– Мне бы очень хотелось самому посмотреть, понимаете, мне нужны доказательства, – он не отреагировал не ее иронию, или не понял, снова нацепил на нос очки и растворился.

Прибравшись в квартире, покормив внука и кота, Люда плюхнулась на диван и машинально включила телевизор. Сытый Василий уместился в углу дивана и, зажмурившись, урчал. По Дискавери показывали пирамиды.

– Устала я, Васька. Утомляете вы меня, – Люда почесала кота за ухом, – отправлю-ка я вас всех в Египет: кому пирамиды, а кому солнце с морем пойдут на пользу. Ты полетишь за ними всеми присматривать и ловить египетских мышей.

В течение всей следующей недели она, никому ничего не сказав, осуществляла свою задумку. Люда выбрала один из лучших в Хургаде. Майские праздники Альберт проведет за любимой исследовательской работой, Томочка отдохнет от готовки, а Петя получит в избытке витамин Д, напитается морскими минералами и будет исцелён.

– Мам, я даже не знаю... Это же так дорого. Мам, спасибо тебе, – Тома обняла Людмилу, когда та в конце апреля торжественно объявила семье о своем сюрпризе, – только, ма, с котом в отель не пустят, ты бы хоть спросила...

– Давайте его просто выпустим на улицу, пусть себе гуляет, жил же он как-то до нас, наверное, мышей по подъездам ловил, – вставил Петруша.

– Да уж, – встрепелась Людмила Ивановна, – сколько денег, сколько времени на него потратила, а теперь – на мусорку! Ну уж нет! Я знаю, он у вас и так погуливает, хорошо ещё пока лишай в дом не принес. Свезу на временную ссылку в деревню, к деду Коле.

Кот, не мигая, пялился на Люду. Ей показалось, что идея с деревней ему не по нутру.

Май 2017. Хургада. Ахмед

Отдых в Хургаде подарил Томе крылья, так ей думалось, на самом же деле он её непоправимо надломил.

Ахмед работал на пляже пятизвездочного отеля. Впервые из своего любимого верхнеегипетского посёлка Кены он ехал в Хургаду с желанием быстро разбогатеть. Ахмед бредил «египетской мечтой»:

В Хургаде он встречает ЕЁ. Иностранку. Она без ума от него и покупает ему небольшое кафе, которое работает само по себе. Там он каждый день курит любимый кальян и пьёт крепкий черный чай с мятой. Она покупает ему квартиру в Хургаде и исчезает в тумане. Дома, в Кене, у него дом, где живёт скромная, покладистая, тихая и очень красивая Фатма с широкими бедрами, которые колышутся, когда она томно и медленно ходит. Любимая жена, которую ему старательно выбрали родители, готовит ему утку, по двору бегают многочисленные сыновья. Вечером его благоверная моет ему ноги и делает все, беспрекословно всё, что он ни скажет. Время от времени он продолжает посещать Хургаду, чтобы разнообразить свою половую жизнь, пополнить список побед и улучшить финансовое положение.

В хорошие месяцы Ахмеду удавалось завести отношения с тремя-четырьмя пожилыми европейками ради заработка, и с одной или двумя молодыми женщинами из Восточной

Европы – для удовольствия. Ахмед давно понял, что и как нужно говорить «бесстыжим» (по его мнению) неприкрытым иностранкам. Он быстро сообразил, что белые мужчины холодны, к своим подругам невнимательны (Ахмед не сомневался) и больше заняты едой и выпивкой, чем своими жёнами.

Ахмедушке было несложно преодолевать языковой барьер. Он не умел писать, но отлично болтал по-английски, хорошо по-русски и довольно сносно по-итальянски. Ахмед продавал экскурсии. Подойдя к семье Булкиных на пляже и увидев Тому, он решил: «Очередная недолюбленная, но без денег.» Она ему понравилась: роскошное тело, наивный взгляд. Легкая добыча. Муж ничего не замечал, спокойно относился к ее «ночным походам за сувенирами», ведь Хургада не спит до самого утра.

Когда Томин отпуск подходил к концу, Ахмед забросал её обещаниями, и со дня её отъезда они регулярно списывались по вайберу. Возвращение Тамары когда-нибудь в будущем в Хургаду никак не входило в планы Ахмеда. Его телефон согревало множество женских имен и фотографий. Вот итальянка Симона с отличным телом, но помятым от загара лицом, вот та самая грудастая русская Тамара, вот ревнивая хохотушка украинка Катя, а вот вечно подвыпившая британка Луиза с прыщеватой кожей на плечах и пошлыми татуировками на копчике... Ахмед пересылал свою регулярно пополняющуюся коллекцию брату Мухамеду, а тот пока-

зывал своих. Женщины без опаски высылали свои откровенные фото, иногда переводили деньги, а он писал им о любви.

Июль 2017. Деревня.

Дед Николай Андреевич

Очередным июльским выходным днём Людмила Ивановна взяла Петрушу в деревню к деду.

Дед Николай, брат отца Людмилы, уж лет десять как овдовел и, несмотря на частые наскоки одиноких соседок, мёртвую подругу предавать не хотел. Дед Коля до одури упыхивался в огороде. Утром, в обед и вечером включал выпуск «Новостей» и, хотя повторяли в течение дня одно и то же, очень внимательно слушал и остро реагировал. Трагедия в душе его разыгрывалась нешуточная, потому как еще каких-то тридцать лет назад он точно знал, зачем живёт, чего хочет, за что воевал, а последний десяток лет мир вообще катился в какую-то пропасть. Что и как теперь – ничего не ясно. Где женщины? Где мужчины? Где страна? Где безбедная старость? Где гармонь? Эту музыку же нельзя называть музыкой?! Маркс был не прав? Хорошо, что Маруся не дожила и не видит всей этой срамоты. Беседы с телеведущим были одним из главных развлечений деда.

Своих детей бог им не дал, но по воскресеньям он видел племянницу Людочку и правнука Петю, а иногда и всю семью, хотя Альберт с Томой бывали редко. «Парафинить» одиночество Людмилы и её неспособность вылечить внука было задачей его выходного дня.

– О, привезли, не чаял вас больше видеть.

– Ну, прекратите! Мы у вас каждые выходные, – ответила Люда на стандартное приветствие.

– Ага, я тута бьюся с американцем на картохе, а вы токма поспать да пожрать приезжаете. Вчерась крота споймал. Такой партизан хитрый, но я его на табуретке тихо ждал, дождался и на лопаточку подсадил. На соседский огород через забор выкинул, пушай там овощ портит, – и дед Коля закричал смехом.

– Так он же под землей опять к тебе в огород вернется, – засмеялась Люда.

– Так вот, – проигнорировал Николай, – где малый ваш?

Петя вошел в дом и скромно поздоровался.

– О! Чадо малахольное? Чем тебя давеча бабы кормили? Кынзой? Чё зеленый такой?! Вы дитёнку мясо даёте вообще? Пожил бы у меня, стал бы розовый, как квочкина жопка, а то вон бледный какой, как поганки на пеньке! Ты, Петруша, мясо то любишь?

– Люблю.

– С кровушкой, небось? – дед иронично прищурился, и Люда побледнела.

– Вывезла их на майские моря, ты гляди. И чего? И ничего! Вона оставила бы мне мальчика на всё лето, я б из него казака сделал, – и, обращаясь к Пете, добавил, – соседки-то мои нервы поедом едят! Вот бы ты...

Он не договорил: Люда намеренно с грохотом опустила

железную кружку на деревянный стол.

– Вообще-то он после моря приехал очень бодрый! И Точка расцвела! Ты лучше, Николай Андреевич, скажи, когда безобразничать с соседями перестанешь? – сменила тему Люда.

– С какими такими соседями? – дед насторожился, как нахулиганивший пацан, глаза его забегали, он присел.

– С такими! Нечего «ваньку валять»! Ты зачем на той неделе Ульяне Михайловне в ведро плюнул?! стыдоба-то какая! Я слушала её, чуть сквозь землю не провалилась.

– О! Накляузничала, значит! Нечисть твоя Улянка Михайловна! И Дашка нечисть! И Мотыка! Скверные бабки! Тройня антихриста! Идёт она, значит, с колодца, в руках, значит, вёдра с водой. Я, значит, мимо иду. Глянь в ведро, а там, в ведре значит, девка молодая! С метлой и ржёт! Девка молодая в ведре, значит, отражается, плечи голые, волосы телепаются, тьфу! Ясное дело, плюнул я и перекрестился!

– Ты, Николай, вроде, умный мужик, бывалый, войну прошёл. Уважаю я тебя и люблю, хозяйство держишь крепко, но, по-моему, не обижайся, у тебя уже старческий маразм! – Люда не знала плакать ей или смеяться, настолько глупой была ситуация.

– Кто маразма?! – дед серьёзно разозлился, – это по соседству у меня маразма! Целых три маразмы! Сидят, костлявые, по ночам над свечками вязанье у них! И по всей хате тени летают. Я всё видел!

– Боже, Николай Андреевич, вы еще и в окна к ним по ночам заглядываете?! Ну знаете!

– Вот именно, что «Боже»! Бога на них нету. Ты Ваську на прошлой неделе привозила, а он как подошёл к ихнему огороду, да как выгнется, как зашипит, как сиганёт оттудова. Потом сидел у меня в кладовке, не ходил никуда. Вот тебе и нате. Даже кошак твой сразу всё сообразил. А люди к ним ходють! Прямо очередь, как в мавзолей к вождю. Ведьмы! А люди – дуры!

– Знаете что, Николай Андреевич, шли бы вы... телевизор смотреть! Ты зачем им проволокой калитку в прошлом месяце замотал? Думал, я не знаю?

– О! И это донесли? Не в прошлом. В маю это было... Ты мне кады Ваську подкинула, я думал, он в огороде будет или по помойкам. А он знаешь чего? Сел и на дом их глядит. Долго глядел и рычал, прям чисто тигра, потом уши вжал и в хату. И всю неделю тихо сидел, не шуршал. И это дворовой-то кот! А ты говоришь....

– Ну при чем здесь кот!.... – Люда, не знала, что еще сказать.

– А чавой-та у них огород такой прибранный? А? – не унился Николай.

– Ты их видала? Они ж все трое на ладан дышат!

– Завидуют молча.

– Ну прям там. Они девку, молодуху, пригрели, она, значит, ведьма, вот те крест самолично видел Ведьму, по ночам

кошкой чёрной делается и всю работу им....

– Николай Андреевич, я пойду травку порву, – и Люда побежала в огород, так как боялась сильно нахамить и обидеть старика.

1991 год. Где-то в Подмосковье.

Николай Бессонов

Жил да был где-то в Подмосковье мало кому известный художник Николай Бессонов.

Помимо материалов о цыганах, художник Бессонов изучал ведьм, бредил ими. Почему? По родству бродяжьей души? Он был не единственным, кому тема была интересна, но единственным так чувственно изобразившим её, нарисовавшим её такой, какой она позволила себя увидеть.

В 1991-м художнику Бессонову приснился сон. В это неясное время, когда радио плевалось песнями «Агаты Кристи», а страну финансово бросало из стороны в сторону, ему часто снились яркие, живые сны. Ведь реальность была печальна, бесперспективна и тревожна. И он изобразил. Назвал «Ночной полёт». До этого он тоже много писал. Но эта картина стала особенной, проникновенной. У Бессонова энергия была, выплескивалась как искры из цыганского костра. Девушка на картине вышла удачно. Кисти легко укладывали масло на холст, тело отливало перламутром, будто вместо крови по венам её нёсся лунный свет. Тонкий профиль, свежее, одухотворённое дыханием ночи лицо с намёком на улыбку. Гибкая ведьма на метле. Казалось, можно услышать шорох её простого старинного платья, длинные волны светлых волос нежно треплет ветер. Глубокий, художественно

бездонный фон и ничего лишнего...

Название картины он переписывал несколько раз. В голову назойливо лезло «Бетельгейзе». Потом «Анна». Потом «К Звезде». Потом «Другая». Потом «Коварный Исполнитель». Всё отмёл в сторону и оставил простое и понятное себе «Ночной полёт».

Репродукция картины в одном из послесоветских журналов многим увидевшим запала в память, впечатлила невооружённо... Альберта Булкина, например.

Четырнадцатое октября 2017. Москва.

На протяжении всей своей жизни тихий омут Альберта неутомимо плодил чертей. Выплеснуть себя ни словом, ни делом, в силу воспитания, он позволить себе не мог. Собственно, как у любой особи, у него было всего три варианта: взорваться бунтом, сломаться или приспособиться.

Эта ночь ничем не отличалась от сотни других: квартира с тихим мужем, чахнувшим по непонятным причинам ребенком, изможденной депрессией женой.

Чуяло ли сердце Бертика, что скоро перестанет биться, и ляжет он в сырую землю через три дня? Нет, ничего не чуяло. Альберту снился сон. Он брёл в полумраке, пробираясь сквозь невнятные, как это бывает во сне, растения, и наконец-то вышел к темному озеру, окутанному тяжелым пепельным туманом. Посмотрев на глубокое небо, Альберт увидел её и сразу узнал. Лёгкая, в простом платье, юная ведьма висела на метле и лукаво ему улыбалась, а потом растворилась во тьме. Альберт продолжил путь к озеру. У самого берега недалеко друг от друга росли невысокие гладкие деревья, местами их змеевидные корни выныривали из-под земли, причудливо переплетаясь. Альберт подошёл ближе к одному из них и поднял голову вверх. Над его головой на толстых ветвях расположилась обнаженная женщина, она си-

дела в продольном шпагате, ноги опирались на ветви дерева, и перед взором Альберта крупным планом сияли влагой ее прелести. Она вызывающе посмотрела на Альберта сверху вниз, медленно взяла свои груди в руки и стала со стоном их облизывать. Он, жадно и не моргая, потянулся к ней, чувствуя головокружительное возбуждение. В потоках подсознания мелькнула размытая мысль: «Это нереально, это сон, здесь можно всё, никто не узнает». Он повернул голову вправо, на другом дереве сидела такая же голая дева, она стала спускаться задом, максимально прогибаясь и раздвигая ноги, предоставляя ему возможность визуальнo насладиться собой. Боковым зрением он заметил, что с третьего дерева спускается ещё одна. Он снова поднял голову и стал прерывисто вдыхать чужой аромат, мягко искать руками, пока две другие искусительницы оседлали большие пальцы его ног, плющом оплели его вставший ствол... И он проснулся.

Сердце билось часто, тело было в максимальной готовности. Он повернулся к жене, приспустил одеяло, увидел затылок Тома, выглядывавший из старой байковой ночной сорочки с торчавшими ниточками. Жена, чуть поворочалась. Он решительно положил руку ей на талию и придвинулся ближе.

Тамара еще не спала. Она уже привыкла, что супруг рано ложится, потому что нужно рано вставать в университет. Она же очень долго не могла уснуть, прислушивалась к шорохам в квартире, думала, перебаривала и переживала заноч-

во всё, что произошло в течение дня. Она много ела вечером, заедала свой стресс и Петрушино горе, живот надулся и болел, мешал отключиться. Тома почувствовала руку мужа и удивилась. Повернулась к нему.

– Том... Не спишь?

Её обдало горячим несвежим дыханием Альберта, в темноте его рот показался ей какой-то зловонной черной дырой, живот еще больше скрутило. Из-под одеяла она почувствовала запах его вспотевшего тела, и стало совсем неприятно.

– Спи... – проворчала она глухо и зло, также резко отвернулась и натянула одеяло до ушей.

Альберт несколько секунд пялился в тёмный потолок, покрытый пятнами отсветов от уличных фонарей. Он встал и пошёл в ванную. Пройдя через мрак прихожей, Альберт щелкнул выключателем в ванной. Лампа зажглась, сверкнула, издала секундный скрежет и погасла, перегорев. Он вошел в темноту и закрыл за собой дверь. Ослеплённый вспышкой, он ничего не видел, поэтому просто закрыл глаза и спустил штаны...

Кот осторожно вышел в коридор, потянул носом, подошел к двери ванной комнаты и поскреб передними лапами плинтус. Тамара слушала. Слышала все передвижения мужа по ночной квартире. Когда дверь за Бертиком закрылась, Тома взяла себя обеими руками за грудь и тихо заплакала. Ей хотелось нежных поцелуев, она вспоминала смуглые смелые руки Ахмеда, заново прокручивала в голове все те жиз-

ненно необходимые для женщины слова, которые он шептал. Как с первого же дня знакомства, не стесняясь, называл женой и любил, любил каждую ночь, по несколько раз за ночь, ненасытный, горячий. Ахмед говорил, что у них будет яхта, и каждый день они будут любоваться восходом и закатом. Нет, она так больше жить не может. И не будет.

Прошло полгода с момента ее поездки в Египет, целых шесть месяцев никаких встреч, только переписка в телефоне на изломанном интернетным переводчиком английском и голосовые сообщения по-русски. Мучительные, бесконечные полгода. Тома, глотая слюны, плакала в подушку.

Утром Тамара проснулась разбитой, но она уже почти привыкла ощущать себя так. Который теперь час? Потрогала руками лицо. Опять из-за вчерашних ночных рыданий будет ходить весь день опухшая. «Тома Булкина». Фамилия была еще одним поводом ненавидеть Альберта. Женщина прошла в ванную и открыла дверь.

Альберт со снятыми пижамными штанами, странно вывернувшись, полулежал на кафельном полу, весь иссиня-серый. На лицо смотреть было жутко. Парализовано, как будто в агонии и страсти одновременно.

Женщина сделала шаг назад и захлопнула дверь. Нутро рвалось наружу, и ее вытошнило. Пошатываясь, она рванула в комнату сына и с вытаращенными немигающими глазами стала вглядываться в его лицо. Петр, слабо посапывая, спокойно спал, в его ногах, тепло свернувшись, также мирно

урчал Василий.

Двадцать пятое октября 2017. Москва

Прошло девять дней с похорон Альберта.

Тихо, мрачно-степенно и обыденно.

Тамара зашла на кухню. За столом сидел бледно-серый Альберт в погребальной одежде. Сильно ссутулившись, пряча левую руку под столом, правой он жадно наворачивал борщ. Каждый раз, когда он открывал рот, из него сыпалась земля, и, смешивая с борщом, он запихивал её обратно.

– Тамара! Царица ты моя роскошная, — говорил Бертик, продолжая давиться. – Если бы ты знала, хорошая моя, как я соскучился по твоему борщу!

Тома, стоя в дверном проёме, чуть пошатнулась, сделала шаг вперед и сильно вжалась в стену. Она не понимала, как реагировать. Это не была галлюцинация. Может, у мужа был летаргический сон? Ей подумалось, что нужно вызвать врача.

– Не надо врача, душа моя! Какой уж тут врач? Тут вот, надо мной поработали.

И Альберт, расстегнув рубаху, показал грубый шов от патологоанатома, из которого местами просачивался борщ.

– Я тебе вот что скажу. Ты присядь. Я ведь прав был. Он же мне всё рассказал. Ну, не всё, конечно, но, Тамара! Я был так близок! Ох не прост! Как он не прост! Что? Что ты говоришь?

– Изыди... – шепотом выдавила из себя Тома, – Отче наш, Иже еси на небеси, да святится имя Твое.... – ничего лучше она придумать не могла. Женщина поняла, что происходящее – это не галлюцинация, но это паранормальное, не человеческое, и тут не врач нужен, а батюшка.

– Фу, Тома! Зачем? – Бертик скривился и встал. Левая рука у него отсутствовала от кисти, отсвечивала огрызком кости и мяса, – я ведь предупредить тебя хотел, ну, как знаешь...

На мгновение у Тома почернело в глазах, несмотря на день за окном, а когда свет в её глазах зажегся вновь, кухня была пуста, и на столе было чисто.

Тома трясло. Пугал любой шорох, в каждом углу квартиры мерещились тени. Звонить матери не хотелось. Света не брала трубку, скорее всего была не одна.

Тома вызвала участкового врача, просто чтобы хоть какое-то время побыть со взрослым, посторонним и адекватным человеком. Сын всё ещё спал. Алла Сергеевна, уже очень хорошо знавшая этот номер телефона и этот адрес, на вызов не торопилась, и пришла к двенадцати, после того как побывала у других больных. Петя проснулся бодрый, умылся и выбрал книгу. Снова лёг в кровать. Его обычный день постельного больного начинался. После стандартных приветствий и вопросов врач померяла температуру, осмотрела зрачки и горло, измеряла давление. Всё было в норме.

– Тамара Викторовна, с ним всё в порядке. Я ничего не

обнаружила. Немного уставший, Впрочем, как и все предыдущие наши встречи. А как дела у вас? – доктор поняла, что ее вызвали скорее для беседы, чем для консультации.

– У меня не очень. Мне кажется, у меня начались видения. Мания преследования, паранойя, бессонница...

– Подождите, подождите. Это слишком много. И всё вот так сразу. Тамара Викторовна, давайте пройдем на кухню.

И Алла Сергеевна глазами указала на Петрушу, намекая, что ребёнок уже не так мал и всё прекрасно понимает.

– На кухню, – Тома странно ухмыльнулась, – а действительно. Давайте на кухню.

Женщины вышли из комнаты и перешли за кухонный стол.

– Алла Сергеевна, вы с утра по вызовам мотаетесь, позволите вас угостить? Вы очень меня обяжете, правда. Я вчера сварила великолепный борщ, а есть некому.

– Тамара Викторовна, я очень сочувствую вашему горю, и мне...

– Можно я вас угощу? – нервно настояла Тома.

– Да, конечно, почему бы и нет, только немного. Спасибо большое. – сконфузилась Алла Сергеевна.

Тамара открыла холодильник, достала белую кастрюлю в цветах и поставила ее на плиту. Зажгла газовую горелку, взяла половник и открыла крышку, чтобы перемешать.

– Доктор, вы это тоже видите? – она повернулась к Алле, как бы приглашая ее посмотреть содержимое посуды.

Алла Сергеевна встала, подошла к плите и заглянула в кастрюлю. На поверхности борща плавала изувеченная кисть мужской руки.

После того, как доктор, посоветовав ничего не трогать и вызвать полицию, очень быстро ушла, сославшись на большое количество вызовов, Тома позвонила матери.

– Мама, я не знаю как, но кусок руки Альберта у меня в кастрюле.

– Тома, ты спишь?

– Я не сплю, – и Тамара громко нецензурно выругалась.

– Это как? Почему ты решила, что это его рука?

– Это ЕГО рука! Что мне делать? Что нам делать?

– Ты позвонила в полицию? Это могли быть вандалы. Выкопали труп, обокрали. Такое бывает.

– Да? Ну, конечно! Как я сама не догадалась?! А потом вандалы отпилили ему руку, по линиям руки прочли, где он живет, под покровом ночи, незамеченные, взлетели на четвертый этаж, бросили руку в борщ и, мать твою, растворились. И всё это ради того, чтобы утащить серебряный крестик у него из гроба. Сейчас пойду искать видео в интернете: «Расхитители могил. Смотреть всем!», – Тома психовала.

– Дочь, меня радует твоё чувство юмора, но ты не ёрничай. Может, он обидел кого из студентов, зачет в свое время не поставил, знаешь, какой он у нас принципиальный был. Где вы живете, знает половина университета. Возможно, у

кого-то юмор оказался слишком черным. Послушай, ты сейчас где? И где ребенок?

– Я закрылась в зале и говорю с тобой. Петя собирает кота и вещи. Мне очень страшно. Если кто-то вот так просто может незамеченным войти и выйти, как мы можем здесь спать? И какой будет следующая шутка? Но я думаю, что происходит что-то непонятное, и никакие вандалы здесь не при чем.

Следующие несколько минут, держа плечом телефон, Людмила забрасывала дамские необходимости в сумочку и одевалась, продолжая быть с дочерью на связи и утешая ее.

– Всё, Тома, я выезжаю. Сидите в готовности, вызовите участкового. Я вас заберу.

Оставив телефон, Тамара пошла проверить сына. Мальчик и кот смотрели в окно, Петя и не думал собираться. Безвольно опустив руки, она решила позвонить участковому и дожидаться маму. Машинально зашла на кухню, подошла к кастрюле и заглянула в неё. Руки там не было. Тома взяла половник и стала искать. Руки не было. Как фурия она бросилась в комнату к сыну.

– Ты! Это ты! Где она? Ты издеваешься надо мной? Кто ты?! Что ты такое?! Почему ты стал выздоравливать после его смерти? Почему сегодня утром ты нормально себя чувствуешь? Отвечай!

Петя испуганно и зло смотрел на мать. Васька выгнул спину и нервно округлил хвост.

– Аааа! И ты туда же! Вы вместе?! Заодно?! Куда ты её дел? Вы её сожрали вместе?! Что же это такое?! – она схватила себя за волосы и истерично зарыдала.

– Что ты сделал с отцом? Ты знаешь, что случилось с отцом?! – неистово Тома продолжала допрос.

– Знаю, – тихо сказал мальчик.

Следующий день, двадцать восьмое октября 2017. Отчаяние

– Всё. Так больше не может продолжаться, – Людмила Ивановна, сильно выдохнув, тяжело опустилась на стул, – vedi его к бабке.

– Куда? – Тома вопросительно посмотрела на мать.

– К бабке. Не знаю! К колдунье, к экстрасенсу, к чёрту лысому! Я уже не знаю, что делать, но дальше так не может продолжаться. Врачи от нас прячутся. Пете только хуже, друзей нет, школу пропускаем, мы вот так просто дадим ему умереть или превратиться в овощ?

После этой тирады Людмила сама испугалась всего сказанного. Но делать вид, будто ничего страшного не происходит, и всё само собой наладится, она уже не могла.

– Послушай, Тома, я понимаю, что это глупо, и ты знаешь, как я далека от этого бреда, но мы должны что-то сделать. Смерть Альберта была странной. Не перебивай меня! – Людмила заметила, что Тома собралась было возражать, – смерть Альберта мне непонятна! – взвизгнула Людмила Ивановна, – он не болел, и был здоров, ты сама говорила, как он на раскопках орудует инструментом, какой он выносливый, жилистый...был... Он так высох за одну ночь и скоростижно издох от того, что решил сам себя на ночь глядя удовлетворить?! Не смеши меня! И потом, эти твои ненормальные ви-

дения...

Тамара покраснела и опустила взгляд в пол. Слезы блеснули в глазах мамы, и дочь села.

– Мама... Я ... – и она расплакалась.

Людмила Ивановна жалела, что наговорила лишнего. Очевидно было, что дочери стыдно, неприятно и страшно.

– Тома, я читала, бывают такие люди, которым, чтобы хорошо себя чувствовать, нужно... пить кровь. – Люда слушала, как эхо от её слов повисло в воздухе уродливым намёком.

В этот день Тома позвонила Свете и коротко пересказала их беседу с матерью, через пару часов Светлана ей перезвонила.

– Значит так, два варианта. Первый: бабулька, живет за городом, частный дом, их там трое – потомственные целительницы, Дарья, Ульяна и Матрёна Егоровы, вся деревня к ним ходит, но телефона у них нет. Кстати, по-моему, это твоя деревня, та самая, где ваш дед Коля живет. Второй вариант – гадалка Анфиса, промышляет в вашем дворе. У этой под запись. К кому?

– Ммм. А ты как думаешь?

– Я позвонила гадалке, она свободна в субботу. Давай пока смотаемся в деревню? До субботы ещё четыре дня.

– Хорошо. Как поедem?

– Я попрошу Даниила.

– Ооо?! – завистливо-вопросительно воскликнула Тома, – выкладывай!

– Да нечего выкладывать, – с удовольствием застенялась Света, – Познакомились в спортивном клубе. Сама скоро увидишь, – и Тома ясно услышала и представила Светину сияющую улыбку.

Даниил был парень в самом соку, что называется «на выданье». Пора бы уже, по всем законам жанра, и жену, и детей. Но затянулось мальчишеское одиночество человека, который может без оглядки на чье-то мнение общаться, с кем пожелает, делать, что хочет и когда захочет. В каждом дамском взгляде в свою сторону он улавливал женскую надежду на брак. Это его разочаровывало, а временами даже бесило. Частенько, он придумывал для своих пассий особое тестирование, оценивал внешние данные по воображаемой десятибалльной шкале. Спорт, деловые переговоры, езда на любимом авто и периодические пост-бизнес-сделочные гуляния – это всё была его стихия, которую, он был уверен, мог легко разрушить супружеский тайфун.

Вот уже полгода как Даниил не заводил отношений. Его девушку Жанну обнаружили мертвой в капсуле омоложения в спа-центре «Венера», который обслуживал своих гостей на первом этаже дома, где жила семья Булкиных. Глаза её были открыты в жутком испуге, рот искривлён, и руки были у горла, как будто она задыхалась.

Даню секунду покорило, когда забирал Светлану, Тому и Петю из этого самого дома. Но он не был суеверен.

Тридцатое октября 2017. Деревня. Бабки

Доехали и нашли дом старух Егоровых без приключений.

– Нам нужна Егорова Дарья Михайловна, – бодро констатировала Света, глядя на пенсионерку.

– Проходите, хорошие, Дарьи Михайловны, правда, здесь больше нет, – бабуля развернулась, приглашая войти.

– Как здесь нет? Она переехала? – две женщины и ребенок продолжали стоять на пороге.

– Переехала... скорее перешла... – тихо прошамкала старушка, медленно углубляясь в помещение.

– Ой. Как жаль. Как же так... Ведь мне сказали, что недавно... Послушайте, а куда переехала? Далеко? – Света закусила нижнюю губу, всё еще не решаясь войти.

– Заходите, дверь прикройте, а то сквозит, чай не лето уже.

Света и Тома переглянулись, и все вошли, прикрыв за собой дверь. Пете сразу не понравился этот запах. Когда ему сказали, что они едут к бабушке, в голове его живенько сформировались ассоциации из благоухания сдобных душистых пирожков с вишнями, дорогих шоколадных конфет в золотых обертках в сказочной хрустальной вазочке, апельсиновых парфюмов в ванной комнате. А в этой хижине, похоже, и вовсе не было ванной комнаты. И потом, Петя не по-

нял, почему обещали ехать к бабушке, а приехали в деревню к дедушке, но спрашивать не стал.

Светлана застыла. Вот он, душок старости, на который на-слоилось множество чужих, приходящих запахов людей, которые затоптали этот половичок и залоснили эти кресла, и расшатали эти табуретки. В дальнем углу на стене висели одна над другой две иконки разных стилей, времен и размеров в обрамлении маленьких гардин, под нижней иконой висела зажженная золоченая лампадка и немного коптила. В этом же углу под иконами стоял грубый деревянный ко-мод, укрытый древним, чуть пожелтевшим от времени кру-жевом, на котором, в милом старческом беспорядке, лежала тонкая стопочка исписанных листочков, замасленные вырез-ки из старых газет, календарей и журналов, спички, оранже-вые церковные тонкие свечки, стояла мелкая вазочка с квад-ратными печеньками и леденцами.

Старушка села в жесткое низенькое креслице, укрытое си-неватым пледом с симметричными узорами, недалеко от ко-мода.

– Дарья Михална уходит скоро, который день уж пошёл, – бабка то ли кашлянула, то ли крякнула – после определённого возраста всё больше странных звуков мы начинаем из-давать. Света сначала не поняла.

– Да вы говорите. Я вижу, малому нездоровится. Расска-зывайте. Я Ульяна Михална, сестра ёйная, можно звать баба Уля.

Света немного подумала, бегло осмотрела портреты под потолком и занавешенное зеркало.

– Извините, пожалуйста, мы не знали, что у вас горе, простите сто раз, даже не...

– Да что уж. Пожила Дарья полезно, ушла мирно. Вы про себя-то говорите. Надобно заботиться о живых. Дарья себя в обиду не даст.

Света посмотрела на Тому. Тома, тихо выдохнув, решительно сказала скороговоркой: «С прошлого ноября у сына что-то со здоровьем, быстро утомляется, никаких болезней врачи не нашли, в школу ходить не можем, пару часов посидит и начинает сознание терять, или вдруг, ноги ватными становятся, всё это бессистемно, то болеет, то вдруг выздоравливает ненадолго...»

К горлу подступал комок, и Тома не могла продолжать. Как-то неправильно было всё это говорить при Пете. Она замолчала, опустила глаза и обняла сына. Петрушу будоражили непривычные запахи. Маленькие запылённые окна с парочкой дохлых мух на неумело перекрашенных подоконниках, полутемное помещение и это сморщенное существо напротив, с потемневшими ладонями и потрескавшимися пальцами, говорящее странные вещи... Казалось, сердце колелось в голове, ему хотелось убежать, и он со всей силы прижался к матери. Лампадка погасла. Ульяна Михайловна взяла из-под кресла корзинку, вытащила спутанный моток шерсти и спицы. Глубоко посаженные глаза не по-старчески

озорно посмотрели на Петрушу.

– Ну-ка, Володя, подсоби, распутай, в клубочек скатай. Умеешь? Али мал ишшо?

Тома, выпустила Петю из своих объятий и немного подтолкнула в спину.

– Давай, сына, скатаем клубочек. Только он не Володя, он Петр, – уточнила она, обращаясь к бабушке. Тоже мне, прорицательница, хотела угадать, да промазала.

Петя совсем не соображал, что от него хотят, но, перебирая вспотевшими ручонками, волнуясь, стал скатывать клубок. Баба Уля держала у себя в руках другой конец нити. Тома молча смотрела на его неуклюжие движения. А Светлана, продолжая сидеть, стала рассматривать дом и его обитательницу.

Классическая старуха, таких нынче не делают. Седые, с редкой чернью густые волосы, лоснились, очень гладко зачесанные назад в аккуратную гульку под красивый костяной серебристо-белый гребень. Лукавые, проникающие глаза, не смотрящие в упор, а только поглядывающие. Худое, в глубоких морщинах лицо, уже давно не понять, была ли в молодости красива. Хатка состояла из предбанника, переходящего в основное помещение и, очевидно, одной спальни. Проём в спальню был плотно зашторен. Скрипучий деревянный пол и выбеленные стены, по углам под низким потолком можно было разглядеть трещинки и редкие паутинки. Бесконечно уставший выдох был в этом доме, будто он утомлён жизнью,

будто ему уже хотелось принять этих паучков, и эту пыль, а низкие окна просились в землю.

«Что я здесь делаю? В салоне полно работы. Даня ждёт в машине. Могли бы сейчас сидеть в кафе, держаться мизинчиками, вдыхая ароматы кофе и ванили. Вожусь с чужими больными детьми...»

Бабка протянула Свете другие нитки. Света взяла. Ульяна с интересом на неё посмотрела.

– Мош и ты клубочек смотаешь, подсобишь мне?

Светлана немного иронично улыбнулась и стала мотать, через пару секунд нить порвалась.

– Синтетика, – печально вздохнула Ульяна, забирая нитки обратно, – а раньше я котов вычесывала, такие с них жалетки тёпленькие, – и бабулька опустила глаза вниз, о чем-то задумавшись.

Свете уже очень не терпелось уйти. Ульяна кашлянула.

– Ну хватить. Давай-ка мне, чего намотал, а я тебе носочки свяжу. Или шапочку. Чего хочешь?

Молчание. Петя смотрел исподлобья и общаться не желал. Тома жестко посмотрела на старушку.

– Вы нам можете помочь, вы... видите, что с ним? Ну хоть что-то мне можно узнать? – она уже чувствовала, что приехали они зря, ей было стыдно за отнятое у подруги и ее парня время, ей было жаль Петю.

Ульяна Михайловна, наклонив голову набок, положила клубочек в корзинку и, глядя на потухшую лампадку, обра-

тилась в никуда.

– Матрёна Михайловна, сестра наша, спит, но проснётся, станет вязать. Через две недели заезжайте, – она посмотрела в глаза Свете, – погань гнать надобно.

– Какую погань? Его сглазили? Прокляли? – вскрикнула Тома, а Света испуганно взглянула на бабу.

– Гнать! – категорически заявила Ульяна и замолчала, разглядывая спицы, давая понять, что больше объяснять она не намерена.

– Вот, хорошие мои, Дарью Михалну помяните, царствие ей небесное, сильна была... – Ульяна Михайловна протянула горсть конфет и печенье, провожая гостей. Петя оживился: хоть что-то было не так плохо.

– Через две недели заезжайте, заберёте вязание... Нет, денег не надо, – открывая хлипкую дверь посетителям, объясняла баба Уля.

Ульяна стояла на пороге и смотрела вслед уходящим гостям. Из спальни, держась за бока, приковыляла Матрёна и стала рядом.

– Бедная, жаль её. Чую, что Анна приберёт в ноябре, вот что странно мне: почему – не вижу.

– А вторую не жаль?

– Нет. Вторую – нет.

Жители деревни знали, что Дарья, Ульяна и Матрёна Егоровы были сёстры погодки. Отца они не помнили, а мать умерла в тысяча девятьсот тридцать третьем году от тубер-

кулёза. Держались они всегда вместе, в деревне поселились в конце войны в заброшенной хатке. Замуж ни одна из них не вышла – не за кого было. А вот в кругах Основных, на далёкой умирающей Бетельгейзе их знали как Наблюдателей.

– Кого гнать? Как гнать? – в машине Тома дала волю эмоциям – просто время потратили! Инфернальные бабки, воображают себе неведомо что! А этот тяжелый дух! Петруша чуть сознание не потерял! Они вообще дом проветривают? Людям только подавай колдунов да ведьм. И мы туда же, а ведь образованные! – слёзы стояли у Тома в глазах.

– Образованные, но отчаявшиеся, – сказала Света – послушай, она сказала, что-то свяжет для него, возможно, она имела в виду какой-то предмет от сглаза?

Дальше ехали тихо. Каждый думал о своём. Присутствие Светы и Дани вдруг стало для Тома неприятным, хоть она и понимала, что они помогают. «Почему бабка так пристально смотрела на Свету? Света позавидовала её сыну? Он ведь и красивенький, и умный, и был крепыш. Да нет, не может быть! А, собственно, почему нет? Ей тридцать, своих нет...»

Петя размышлял вслух.

– Почему старые люди такие некрасивые? Мне там было страшно, зачем такие портреты в рамках? И никто не улыбается. Печенье воняет.

– Это ладан, Петруша.

– Мне не нравится, у Люды пахнет апельсином. Вот было

бы хорошо, если бы все старые люди носили цветные весёлые маски, как на карнавале!

– Мы все носим маски, и только к старости их срываем, – медленно произнесла Света, со вздохом глядя на проносящиеся мимо осенние лесопосадки и поля.

Начало ноября 2017.

Москва. Гадалка Анфиса

Через несколько дней Тома и Света шли в дом, напротив Томиного, к гадалке Анфисе.

– С бабкой не задалось, пусть получится с гадалкой.

– Я не знаю, Свет, мне хватило. Не знаю, зачем туда иду. Петю я обидела и напугала, старухи эти... Неизвестно, что гадалка наплетёт... И дорого.

– Тома, прекрати. Будем надеяться на лучшее.

Анфиса Сергеевна потеряла подростка-сына, осталась брошенной мужем, регулярно оплачивала рекламу в газете о том, что она «потомственная ведунья и маг». Окна в главной, как она её называла, приёмной комнате были гламурно и таинственно фиолетово зашторены, на искусственном камине стояло качественное чучело совы, канделябр под старину, вазы с высушенными цветами и много симпатичных, загадочных статуэток и мелочей, создающих необходимый антураж. Колдунья принимала клиентов шесть дней в неделю, прерываясь на один законный выходной. Её пухлые руки украшало множество разномастных золотых браслетов, а на белой шее красовалась чёрная бархатка с золотым крестиком. С широкими острыми скулами, длинным прямым носом и узкими губами, на первый взгляд её лицо было отталкивающим. Но Анфиса обладала проницательным взглядом

ярко-голубых, почти прозрачных глаз и кошачьим голосом, она умела заставить себя слушать, и клиент очень скоро начинал ей доверяться.

Принимала она под запись. В субботу днем была записана Тамара Булкина, вот её телефон и адрес. Когда в дверь позвонили, Анфиса открыла первую дверь, посмотрела в глазок второй двери, опустила цепь и щелкнула двумя замками. Сейчас не средневековье, но зложелателей у гадалок всегда хватало.

– Анька, давай в свою комнату, сядь за уроки и не высывайся, – нагрубила Анфиса дочери и настроилась на работу.

– Проходите, одежду вешайте здесь, садитесь за стол, ничего не говорите, – проинструктировала она женщин.

За большим круглым столом она села напротив и произнесла, глядя на Тamarу:

– Я вижу твоё горе. Он может поправиться. Ты должна оставить мне его фотографию. И мои услуги дорого стоят.

Огоршив Тому этой тирадой, Анфиса смотрела на её реакцию. Увидев, что женщина созрела, она продолжала, периодически прикрывая глаза, совершая манипуляции звенящими от золота запястьями.

– Тебе позавидовали. Человек из твоего окружения. Мне пока трудно сказать, кто. Его нужно очистить, иначе он может умереть.

Оставив покаутированных посетительниц, Анфиса Сергеевна вышла из комнаты и вернулась с двумя бумажными

свитками. Один она протянула Томе.

– Эту молитву ты прочтешь сегодня на ночь, потом сожжешь, часть пепла растворишь в воде и используешь эту воду для приготовления чая. Дашь выпить чай всем, кто входит в твой дом. Тот, кто навредил твоему сыну, почувствует себя очень плохо, тем самым себя обнаружив. Всё. Потом запишешься ко мне на следующий приём.

– А ты, хотела бы ты узнать свою судьбу? – обратилась она к Светлане.

– Я за компанию пришла.

– Всего пятьдесят долларов.

– Ну и что там с моей судьбой? – Свете стало любопытно и, услышав, как ведунья всё четко объяснила насчет Петруши, она прониклась уважением.

– Я, если честно, в это всё не верю, но я думаю, вы хороший психолог, – она заулыбалась и стала вытаскивать деньги из сумочки.

– Ухажер у тебя есть. Надёжный. У тебя будет двое детей – девочка и мальчик. Но, помни, что жизнь – это не только работа, своё счастье нужно хватать быстрее, иначе перехватят другие. Вижу, что всё у тебя сложится... Могу ускорить. Записать тебя на приём через четыре дня?

Тома и Света вышли, не то, чтобы радостные, но полные надежд. Светлана услышала то, что ей было так важно, она боялась заводить детей, не признаваясь в этом даже Томе. И уже по-другому смотрела на Даню, с надеждой и страхом

одновременно.

Тома тоже шла окрылённая. Её поразило и напугало, что женщина раскрыла её горе и всё объяснила, а главное, сказала, что делать.

Ноябрь 2017. Москва

Прошло сорок дней со смерти Альберта.

Однажды поэт решил, что «у природы нет плохой погоды». Чушь. Есть. Ноябрь выдался мерзкий. Скукожившись, прикрывая лицо сломанным зонтом, Тома спешила домой. Оставив Петрушу у матери, она хотела спокойно собрать вещи. Тамара неловко пыталась обходить лужи, чувствовала, что ноги и плащ сзади все покрыты грязными кляксами и разводами, не видела ничего, кроме серого асфальта. Небо, земля, дома – всё слилось в единую черно-серо-бурую массу, разрезаемую поперек светом фар нервных машин. Руки её уже окоченели, со всей силы пытаюсь удержать многострадальный зонт: резкие порывы ветра то и дело выворачивали его наизнанку.

Наконец-то попав домой, она бросила плащ и зонт на пол в сумрачной прихожей. Замерзшая, мокрая, обессиленная, она прислонилась спиной к стене и села на пол. В квартире было тихо, временами глухо всплывали какие-то шумы соседних квартир и подъездных площадок, было слышно размеренное тиканье настенных часов. Обняв озябшие коленки в испачканном капроне, она заплакала.

Сидела и плакала долго. Устав, она устремила бессмысленный взгляд на большое зеркало. Присмотрелась. Из верхнего угла зеркала тонкой струйкой сыпался песок. Плохо со-

ображая, Тома поднялась и включила свет. Стало ярко, из зеркала на нее смотрел голый Альберт.

Очнулась Тома в ванной. Пена уже сошла, вода была слегка теплой. Как раздевалась и набирала ванную, Тома не помнила. Она повернула голову и посмотрела на себя в зеркало. припухшее зареванное лицо, глазные белки усыпаны красными лопнувшими сосудиками, тушь сильно потекла и размазалась по всему лицу. Какое печальное зрелище. И она стала жестко умывать лицо. Рядом с ванной на полу зазвонил мобильный. Это была мама.

– Тома, Альберту сорок дней сегодня. Ты забыла? Я приготовила выпечку и конфеты, завезу в университет, если ты не можешь, – предложила Людмила.

– Да, мам, спасибо, я не в состоянии. Послушай, там Света принесёт лекарства для Пети. Я хочу отдохнуть. На пару дней, а может больше, отключу телефон, мне что-то совсем тошно.

– Это всё погода, милая, пройдишь по магазинам, присмотри новую одежду. Я поищу чем тебе заняться, дочь, пора начинать новую жизнь.

– Да, мам, пора. Обо мне не беспокойся. Мне нужна новая жизнь. Пожалуйста, позаботься о Петруше. Пожалуйста, вечером Анята, Петина подруга, придет к тебе, Ваську заберёт, я хочу его к себе. Я Свету просила, но у неё, по-моему, сегодня randevu и вообще сказала, что много дел, ей теперь не до меня.

– Не говори так. Видишь, она заботится, организовала Пете лекарства. Зачем тебе кот? Зачем Ане таскаться с ним по такой погоде? – Люда помолчала, – Я очень люблю тебя.

Тома не отреагировала на признание.

– Мне так хочется. Ой мам, ладно, всё, нет сил. Я отключаюсь.

Светлана была в спортклубе. В такие моменты мобильный телефон для неё не существовал. Света расположилась в подвешенном гамаке. Хорошо! Светлана обожала аэро-йогу, она мысленно благодарила современный мир, со всеми его излишествами и новшествами. Повторяя упражнения за тренером, она одновременно и расслаблялась, и напрягалась. И самое заветное.... Окончание. Мастер ударила в гонг, ещё... и ещё... Низкочастотные волны медленно и тяжело наполняли зал, уши, череп, тело, сознание, оттолкнулись от стен и вошли в неё. Ощущая сильные вибрации пространства, Светлана открыла глаза и увидела себя со стороны: вот она, стройная и гибкая, в гамаке с закрытыми глазами.

Из душа Света не вышла, нет, она выпорхнула! В голове кружили новые идеи по смене оборудования в процедурной для лица, нужно было зайти в рекламное агентство, продлить контракт на каталог, посидеть с дизайнером, чтобы обновить билборд и вывеску, забрать пальто из прачечной, попасть на выставку косметики в Экспоцентре, заехать в кадровое агентство и оставить заявку на специалистов, вернуться к вечеру в спа и провести несколько интервью с потенциаль-

ными кандидатами.... Она готова была горы свернуть. Но сначала нужно было забежать к Людмиле Ивановне, занести привезенные из всемогущей заграницы лекарства и добавки для укрепления иммунной системы Петруши.

По-настоящему отлично Светлана себя чувствовала тогда, когда на ночь было съедено варёное яйцо или брокколи в йогурте, а утром, проснувшись, съедала немного овсянки с черникой и выдавливала пару апельсинов. Прекратив комплексные обеды, Света заменила их на постоянные перекусы всякой полезной мелочью: яблоко, или орешки, или кефир, или (какая роскошь!) куриная котлетка без ничего. Вместо плотного обеда почти каждый день в час дня она летела к тренеру, после чего она выглядела и чувствовала себя свежо и молодо, энергия зашкаливала. Не нужно было убивать время на готовку борщей-пельменей-пирогов.

Даня встретил её на выходе из клуба.

– Да ты сияешь! Надеюсь, это из-за меня? – поприветствовал её Даня, улыбаясь.

– Ну, конечно. Ты на машине, а на улице ливень. Какая удача!

– Понял. Съел, – Даня сделал вид, что обиделся, – Мы куда?

– Тут недалеко, я покажу дорогу.

– Надолго? Ждать не смогу, у меня до вечера еще пара деловых встреч, – Дане тоже надо было «держатъ марку» и показывать, что не будет бегать за ней, как мальчишка.

– Нет, конечно, я сама. Наш ужин в силе?

– Если только ресторан к полуночи не затопит, как бы град ни пошёл...

– Значит, Даня, у нас будет романтический ужин на воде. Поехали?

Света забежала в подъезд, вспорхнула по лестнице, что-то напевая, и нажала кнопку дверного звонка. Людмила Ивановна открыла.

– Здравствуйте, Людмилочка Ивановна! Я на секундочку. Вот пакет, там всё, о чем Тома просила.

– Светочка, сколько я тебе должна?

– Не выдумывайте, – Света лучезарно улыbnулась и замялась, вспомнив, насколько неуместна радость в этом доме.

– Ну хоть зайди, дорогая, печеньем тебя угощу. Пирожки вкусные, и конфет с собой возьми.

– Людмилочка, не могу засиживаться, мне бежать надо....

Васяяня, – Света присела на корточки и погладила кота, который вышел посмотреть на гостью, – ладно, на минуточку, чай попью, – согласилась Света и вошла.

Васька немедленно забрался Свете на руки, улегся и заурчал. Свете не терпелось уйти, поэтому начали чаепитие молча, но потом она поняла, что придется отбыть повинность, поняла, что Людмиле Ивановне необходимо поговорить. Женщина любила Свету. Именно о такой дочери она всегда мечтала: яркая внешность, совсем не кукла, неправильный нос, выразительные зеленые глаза, непотопляемая

оптимистка.

– Ты немного вымокла! Хоть просохнешь! Я зонт твой раскрыла в прихожей, куртку повешу на батарею!

– Да, сегодня мрак! Но, – Света загадочно заискрилась, – меня подвезли. Я совсем немного зонт намочила, пока из машины к домофону...

– Кто на этот раз?

– Да в спортивном клубе как-то... Потом к нам приходил пару раз в салон на стрижку, потом стал чаще ... думаю, из-за меня, – Света вспрыснула, – он вообще не в моем вкусе – слишком красивый!

– Света, ты её лучшая подруга, – Люда перешла к делу, – с ней что-то происходит, и дело тут не в Пете, тут что-то ещё. Она попросила присмотреть за ним неделю, денег заняла много. Обычно она стесняется, не просит. Что она задумала? У неё какие-то планы?

– Денег заняла? У вас? Я ей тоже одолжила. Она давно ничего не рассказывает, мне неловко выпрашивать. Простите, но даже и не знаю, что думать.

Петя забрел на кухню и сел с ними за стол.

– Ба, я поем?

– Конечно, родной, – Люда суетливо, с радостным испугом в глазах, стала накрывать на стол.

Светлана посматривала на Петю. Ей стало грустно и стыдно из-за того, что не очень хотелось и, надо признаться, надоело быть частью чужого горя. «Вот так, заведешь ребёнка,

а он заболел. Зачем ей такое?»

– Что-то я совсем совесть потеряла, – встрепенулась Света, – мне пора! Я завтра еще забегу, не провожайте!

Она опустила кота на пол, обняла мальчика и нежно взлохматила ему сонный чубчик, приобняла и поцеловала в щеку Людмилу Ивановну, юркнула в прихожую. Скоро Петя и Людмила Ивановна слышали, как захлопнулась дверь. Петя взял стакан с молоком и подошел к окну. Васька, увидев молоко, оживился, и бодро запрыгнул на подоконник. Люда присела на стул, вытирая руки полотенцем, глядя, как мальчик и кот смотрят в серое, плывущее окно. Самые крупные капли ноябрьского ливня били стекло, срывался град.

– Она всегда веселая, – тихо вздохнул Петя, продолжая смотреть в окно на акварельные силуэты людей, – я тоже хотел бы быть веселым...

Света угрюмо вышла из подъезда разбитая, не в духе, и решила, что завтра она точно сюда не придёт. Неужённый ливень. Всё к чёрту! Никуда сегодня больше не хотелось, только в горячий душ, а потом под теплое одеяло и под телевизор с чашкой чая и журналом. Зачем она отпустила Даню? Надо было попросить подождать её, чего уж стесняться! Перебежками, натягивая капюшон, то открывая, то закрывая бесполезный зонт, она добралась до автобусной остановки.

«Больше этого не будет, завтра попрошу Даню заехать за мной. Никакого общественного транспорта. На работу в машине с красавчиком. – Тома со своими вечными проблема-

ми – это какой-то якорь, или балласт, тяжеленный, мне что ли до пенсии её утешать?...»

Люди толпились у дверей автобуса, она втискивалась последней в переполненный салон. Нога неудачно подвернулась не ступеньке. Света со всего размаху упала ничком на асфальт и умерла. В последнее мгновение своей жизни она видела бесконечный поток прозрачных капель, падающих из туманной бездонной черноты на немного удивленное мёртвое лицо.

Потомственная ведунья Анфиса Сергеевна, обладательница карт Таро и волнующего чёрного с перламутром маникюра, набрала номер своего хорошего знакомого.

– Привет Маратик, да-да, всё нормально. Как обычно, твои тридцать процентов. Спасибо, дорогой.

Марат работал в нужных структурах обычным служащим и снабжал Анфису Сергеевну данными, необходимыми провидению. Она отправляла ему фамилию, имя, адрес и телефон клиента, а он ей – кто прописан, распечатку звонков за последние несколько дней. Ну, а от школьницы дочери она получала уйму информации о детях, кто болеет, кто здоров, кто с кем подрался, у кого новый телефон и какие проблемы в семье. Анфиса с юности знала, что правда – это мираж. Это что-то, в первую очередь, никому не нужное и ни к чему хорошему не приводящее. Людям нужно говорить то, что они хотят слышать, потому что они всё равно услышат только то,

что захотят.

Двадцать пятое ноября 2017.

Подмосковье. Художник Бессонов

Ночью двадцать пятого ноября где-то в Подмосковьи художник Бессонов резко повернулся к окну.

Ставни шумно распахнулись в ночи, и холодный воздух ворвался в теплую темноту.

– Снова ты? – он узнал её. Ведьма. За годы она ни капли не изменилась, конечно, нет.

– Нам пора, – так же легко одета, но ей совсем не холодно.

– Уже? Но я не готов! У меня столько задумок, планов, так много несделанного. Мой проект. Моя семья...

– Не нам решать, дорогой, – и она улыбнулась своей свежей неуловимой улыбкой.

– Секрет твоей улыбки вовсе не в губах, а в глазах, а я написал тебя с закрытыми глазами. Но, послушай, я не готов.

– Табор уходит в небо, – на этот раз ее глаза светились иронией, – я видела твои проекты, Коленька, ты им не можешь.

– Кому?

– Как кому? Цыганам своим. Чего ты добиваешься? Чтобы их полюбили? Поняли? Признали? Под силу ли тебе это? Бродяги, независимые, бесстыжие. Такие не могут нравиться порядочным гражданам... Коленька, я подарю тебе долгую беседу о том, к чему тебя так тянет, – и Анна улыбну-

лась. Она присела на подоконник и, словно Шахерезада, начала, – Это было смутное время... А впрочем, время, оно всегда смутное, но не будем отвлекаться.

– Я не готов! Я хочу остаться, – настаивал художник.

– Не нам решать, Николай, – дёрнула хрупкими плечами, как будто извиняясь, а, может, ей было всё-таки зябко, – не нам решать. И в этот день Бессонова не стало.

Бабки Егоровы, Матрёна и Ульяна, вязали. Мотя отрезала литыми железными ножницами слишком длинную шерстяную нить. Окна задребезжали...

– Кто там, Улянушка?

– Это Анна.

– Опять летает?

– Летает. Месяц у неё урожайный, ноябрь всегда такой.

– И зачем летает? Выделяется! Побаловалась и хватит.

– Понравилось ей, как Николашка Бессонов-то её зафиксировал. Но давеча и его прибрала...

Анна распахнула дверь и не касаясь половиц вошла.

– Зачем? Зачем убеждаешь людей, что ведьмы есть, ведь их нет? В их мире вдоволь обмана.

– Это не обман, Матрёна, это красивая сказка, пусть она живёт. Все они станут прахом, а после – перегноем, а после – новой питательной энергией, но разве хочется кому-то в это верить? Люблю ноябрь, столько смертей! Наш приоритет, бабульки, – обновление планеты Земля и поиск предателей. А вы тут...

– Для нас последний земной год пошёл. Яхсис пытается скрыться. Тебе нужно его перехватить. Он должен всё от-
дать.

– Да. Работы много у меня, бабоньки. Бунтарей четверо. Яхсис самый слабый из них, поэтому я и нашла его первым.

Тридцатое ноября 2017.

Египет. Тома и её любовь

Тома смотрела в иллюминатор. Второй раз в жизни летит на самолёте. Обломки невысоких гор и песочных валов проглядывали сквозь взбитые облака, как корица в капучино. Сбежала. Подло? Она никому ничего не должна. У Светланы своя жизнь налаживается, Петр, кажется, её ненавидит (или она ненавидит его?), а матери она вообще никогда не была нужна! Хотя ребёнок... Ничего, вырастет – поймёт. Может быть, если Ахмед будет не против, они смогут забрать Петю в Египет насовсем? Но, скорее всего, с Людой Пете будет лучше. Тома не хотела заглядывать в будущее так далеко.

Тома бредила романтикой, ждала с дрожью в ногах, что они будут лежать с Ахмедом, нежно прижавшись друг к другу, на теплом песке. Служка принесет им красивый коктейль, и она, слегка опьянев от напитка и от любви, будет смотреть на лазурное море и блуждающие вдали светлые кораблики. Он будет гладить её волосы, касаться губами плеча и шептать со своим акцентом трогательные слова...

Хургада встретила ее порывом жесткого песочного ветра, тяжёлым смрадом сигарет и самолетного топлива. Тому, с большим опозданием, встретил брат Ахмеда, Мухамед, посадил в потрепанный «Шевроле» и отвез на съемную квартиру.

– Сейчас сто долларов. Потом за свет и воду. Депозит сто долларов, – констатировал Мухамед на ломанном русском.

Тома плохо и беспокойно спала на новом месте, думала позвонить маме или подруге, но решила, что не стоит. Кот Василий беспокойно обнюхивал липкие, немытые углы и не находил себе места. За стеной шумели соседи часов до четырёх утра, а когда, уже привыкнув к квартирному сигаретному духу и шуму, она провалилась в дрёму, молитва муэдзина выдернула её из сновидений.

Поздним утром, выйдя из многоквартирного дома, она решила заглянуть в супермаркет, чтобы купить продукты для перекуса на пляже. У входа в магазин сидела нищенка с ребёнком на руках, нагло и назойливо что-то бормотала и протягивала руку. Тамара махнула таксисту и сказала, куда ехать. Молодой сутулый заросший водитель на оранжево-синей неухоженной машине, с сигаретой в одной руке и старенькой «Нокией» в другой, то и дело поглядывал на Томинову грудь в зеркало заднего вида. Он резко тормозил, потом неожиданно набирал сто двадцать и постоянно нервно сигналил.

Ахмед встретил Тамару на проходной отеля. Брань с таксистом по поводу оплаты ещё больше выбила Тому из колеи. Они прошли через терминал охраны, и служащий отеля сообщил об оплате входа. Ахмед взял сумку с Томиными вещами и пошел вперёд. Человек на входе повторил по-русски: «Вход два человека сто фунтов». Она немного растерялась

и посмотрела вслед Ахмеду, но тот не обернулся, и Тома заплатила за вход.

На пляже служка в рваных шлёпках с сильно треснувшей кожей на пятках и обломанными ногтями что-то спросил у Ахмеда и провел их к свободным лежакам. Он принес два застиранных полотенца в бело-желтую полоску и стал застилать, особенно тщательно с Томиной стороны, глядя на нее и расплываясь в коричневозубой улыбке. Тома сунула ему в руку двадцать фунтов чаевых и попросила коктейль. Через пять минут ей принесли граненый надбитый стакан с бледно-голубой жидкостью, отдающей жестким спиртовым амбре, трубочкой и чахлой долькой лайма.

Конечно, пляж беззвёздочного недо-отеля «Машрабея» резко контрастировал с пятизвёздочным «Аквамарином», где они отдыхали в прошлый раз семьёй. У пирса стояли два катерка. Полуголые чумазые мужички, громко перекрикиваясь, что-то носили, убирали, чинили и смеялись, развязно пялясь на пляж, беззастенчиво разглядывая женщин. Поверх воды плавала цветная лужица топлива и пару пластиковых бутылок, в застоявшемся воздухе пахло соляжкой, краской и сигаретным дымом. Почти все шезлонги у небольшого бассейна были заняты женщинами в буркини или просто одетыми в чёрное. Они не то злобно, не то с любопытством поглядывали на открытых туристок. Местами валялись использованные памперсы, в воде шумно бесились дети разных возрастов, некоторые ели там же.

Ахмед был рассеян, изучая загорелые задy других женщин. Завтра прилетала Симона, которая всегда покупала ему новую одежду и оставляла пятьсот евро, когда ей пора было домой. Так что резвый, но убогий мозг Ахмедушки отчаянно закипал. Он не любил и не умел плавать, от запаха алкоголя из Томиного стакана его мутило. Мутило уже и от Тома, как от клубники со сливками, которой сильно переел.

– Всё хорошо? – Тома с самой первой минуты встречи уловила холод: что-то шло не так.

– У меня умерла мама, завтра хороним, – не моргнув глазом, сделав печальное лицо, соврал Ахмед.

– Боже! Милый! Как... Что же ты мне не сказал... а мы... а я... тут. Боже... Тебе надо ехать?

– Да, надо ехать... У тебя есть пятьсот долларов? Очень надо.

– Так много, – Тома растерялась, – я могу дать триста, прости. У тебя умерла мать, но ты всё равно приехал меня встретить. Ахмедушка, мой родной, прости, но надо было сказать. Деньги я оставила на квартире, с собой нет. Когда надо ехать?

– Уже надо ехать.

Шестого декабря Тома дозвонилась домой и узнала, что Светы не стало за день до её отъезда в Египет. Не верилось. Женщине показалось, что звонит она не домой, а в другую галактику. Она поймала себя на мысли, что смерть подруги её не тронула. Петя кровушки никак не напьется? Была, а

теперь нет. И что? Откуда такая черствость? Но была боль, сердечная боль покинутой женщины, которая затмевала все остальные переживания и события. Она здесь одна. Ахмед и его брат не отвечают на её звонки и сообщения. Альберта нет. Светы не стало. Васька и тот сбежал почти сразу, а ведь он был для неё кусочком родины. С Петрушей она говорить не хотела. Она не могла себе этого объяснить. С Петей говорить было страшно, он был чужой и непонятный. И если смог так поступить с отцом, значит, сможет и с ней. Мама Людмила никогда не была по-настоящему близка. Что такое её жизнь?

Тома вышла купить фруктов и, возвращаясь, увидела экскурсионный киоск. Она подошла и спросила, что бы ей интересного могли посоветовать. Предложили ей много всего, естественно, «только самое интересное», «только для неё», «только сегодня», «только по самой выгодной цене». Она купила экскурсию на завтра, в монастырь.

Уже девятого декабря Людмиле Ивановне сообщат, что микроавтобус с туристами разбился. Он нёсся сто сорок в час и столкнулся с фурой, водитель которой заснул на скорости. Пассажиры не пользовались ремнями безопасности, шесть человек погибло, включая её дочь.

Они мчались по трассе. В микроавтобусе была Тома, еще восемь пассажиров, гид и водитель. Громко фальшивило радио с шумной и заунывной арабской песней, раздражающе прерываясь из-за плохой связи. Ветер гудел, бросал и мотал

горсти песка по асфальту.

Скучный пейзаж мелькал за окнами. Плоское голубое небо было испачкано белёсой мутью невыразительных облаков. Вдали виднелись карамельные россыпи невысоких горных массивов. Камни раскрошились вдоль дороги и отсвечивали, поблёскивая на солнце, похожие на халву. Вонь метана всплыла в салон, когда проезжали небольшой посёлок Рас-Гариб. И вдруг – ослепительная лазурь посреди мышиного однообразия! Такое живое и яркое море.

Никто толком не понял, что произошло. Удар, скрежет, толчки, переворот. Она ничего не почувствовала, и нет, вся жизнь не пронеслась у неё перед глазами, когда, вылетев в окно, она смертельно разбила голову и сломала почти все шейные позвонки.

Середина декабря 2017. Кладбище

Людмила Ивановна, не моргая, бросила горсть холодной земли на гроб и смотрела, как его неуклюже опускают. Зимой кладбищенская земля была жесткая, обледеневшая. Люда уже не плакала. Слез было слишком много, с того самого звонка, когда она узнала, что осталась совсем одна. Почему такой простой гроб? Он больше всего подходил Тамаре.

Люда не могла понять. Это конец света? Именно так он должен начаться? Почему? Это за её грехи? Она отвергала своё дитя, а когда всем сердцем его приняла – тут же потеряла. Почему она? Когда не стало родителей, она наконец-то вернула себе дочь, казалось, они вновь семья... Хотелось упасть в эту холодную грязь, вопрошая: «За что?»

Нет. Она сильная.

Альберт, Света... и в один день со Светой во сне тихо ушёл дед Николай Андреевич. Наконец, Тома. Люда уже была в курсе расценок похоронного бюро, запомнила имя отчество кладбищенского сторожа, называла по именам и кличкам местных копателей, уже были знакомы ей оградки, тропки и могилки. Жуткие знания, никому не пожелаешь. Вон неподалёку, почти у самых клёнов, лежат деревенские соседки, странные бабульки Дарья и Ульяна Егоровы.

Два взрослых дерева возвышались над этим печальным царством. Дождь, а потом и ночной мороз вместе сделали

своё дело, и ветви, покрытые наледью, выглядели зловеще и сюрреалистично на фоне сизого неба. Большая стая крупных ворон шумно копошилась на земле под кленами. Люде показалось, что от небольшой толпы провожающих отделилась тень, похожая на юную девушку в средневековом платье. А может, воздух был слишком туманный и влажный, или двоялось в неспавших, замытых слезами глазах?

Полупрозрачное темное марево устремилось к земле и обернулось чёрным котом, который, сильно пригнувшись, принюхиваясь, осторожно приближался к птицам. Вороны заметили крадущегося кота, пронзительно каркая, резко поднялись в воздух, и осели на ледяных ветках, бросив на земле перья и окровавленные костяшки – остатки пары своих сородичей. Порыв зимнего ветра обдал зловоньем разложения, которое, впрочем, через секунду улетучилось. Кот зашёл за дерево, и больше Люда его не видела. Вороны паниковали, поглядывая одним глазом вниз, а потом, заглушая всё и вся, дружно покинули кладбищенские деревья. Их еще долго было слышно. Поначалу Люду проняла лёгкая оторопь. Но ввиду последних событий, стоит ли удивляться?

– Не люблю я котов, ба. Не будем больше котов заводить. Знаешь, я от Васьки всё время уставший был, – Петя разоткровенничался. Люда поправила ему шапку.

– Васька? Да коты здесь не при чём, Петруша. Здесь что-то другое.

Нет. Она не одна. С ней теперь Пётр. И уж его-то нельзя

подвести. С самого отъезда Тома Петя очень изменился, отлично кушал, чувствовал себя хорошо и был бодрый, много болтал и спрашивал, как и положено восьмилетнему ребенку. Она даже снова отправила его в школу. Новости о смерти матери он вовсе не удивился, не плакал, только странно посмотрел на Люду и спросил: «Ты меня не оставишь?»

Нет. Она его не оставит.

Декабрь 2017. Египет. Яхсис

Петрушу Яхсис почувствовал сразу, ещё во дворе, когда мальчик возвращался с другом со школы. Яхсис (благополучно переименованный Тамарой в Василия) просто подошёл и ласково потёрся о его ноги. Яхсис Петрушу очень полюбил, берёг и ел медленно. Петр был с рождения одарен максимально сильными тремя из трёх НИА* и быстро восстанавливался. Яхсис сообразил, что, находясь в этой семье, он не останется голодным, и, кроме того, на горизонте маячил реальный шанс попасть на желанные египетские земли именно через этих людей.

Кот. Странное существо. Попробуйте объяснить с рождения слепому человеку, что существует синий цвет. Возможно ли, чтобы он вас понял? Невозможно объяснить обычному человеку, как общаются и считывают мир коты. Людям не дано этого понять, так как нет такого слова в человеческой речи, ни на одном языке земного мира, а слово отсутствует, потому что ... Потому что слепой от рождения никогда не поймёт и не увидит, что такое «синий».

Это одна из причин, по которым Яхсис вошёл в эту кошачью тушку. Быть человеком стало хлопотно, если хочешь бесконтрольно и свободно передвигаться и жить дольше положенного. Он достаточно колесил по Евразии, его тянуло в начальный пункт. Яхсис «видел» мальчика через двадцать

лет: Петя сменит имя и фамилию. Фамилию возьмет бабушкину, вместе с её характером и жизненным кредо, имя интуитивно выберет себе сильное – Владимир. Ему досталось здоровое сильное тело матери, упертость и трудолюбие отца, правильные классически мужские черты лица и математический склад ума от деда, папы Альберта. «Возможно, еще пересечёмся», – довольно улыбаясь, размышлял Яхсис.

А вот таких, как Тома, Яхсис не ел. Даже будучи сильно изголодавшимся, его воротило от мысли питаться такой посредственностью, к тому же, ни одной из НИА у нее не было вообще, а эмоциональные всплески были жалкими, задущенными. Над такими, как Тома, Яхсис любил шутить. Он вспомнил обгрызенную руку Альберта в кастрюле и остро-зубо улыбнулся.



Когда-то здесь был большой мегаполис, который современные люди называли Фивы. Солнце упало, как водится в Египте, быстро, и наступили сумерки, создавая выгодно загадочный антураж Карнаку. Яхсис лежал на прохладном камне и слушал гида. Обычно гидами работали только местные жители, иностранцев нанимать на такие должности не имело смысла: зарплату высокую платить, визу рабочую делать... Но Фаня Брониславовна была предводительницей одиноких дам от бальзаковского до пенсионного возраста из Одессы, и сама проводила им экскурс по Карнаку.

– Вы слышите этот непрерывный стук молоточка по камню? – таинственно дребезжала Фаня, и все прислушались к динамикам, из которых доносилась звукозапись, – это древние мастера набивают на колоннах иероглифы. Они тщательно и кропотливо, сантиметр за сантиметром, таки внедряют имена своих правителей и их деяния в историю. Пройдемте, мои хорошие, один взгляд на тайну вверх, второй – под ноги, шоб ноги были целые, тутошняя кладка страшно похожа на кладку нашего выпившего дяди Жоры... Вы спросите меня, шо это за жуки? Это скарабеи. Символ богатства, солнца, жизни в древнем Египте. Даже теперешние жители свято верят, шо потрогать скарабея – к большой удаче, богатству и долгожительству... Беллочка, не трите жука, вам не поможет, а руки запачкаете. Где Зина? Я таки устала вас счи-

тать, мне за это никто не доплачивает, я конечно ожидала, шо домой могут вернуться не все, но, девоньки, не в первый же день! Какая киса! Похожа на мою покойную бабу Маню, смотрит так, как будто я у нее последнюю котлету отобрала.

Фаня лукаво подмигнула Яхсису. Кот смотрел на неё с презрением и снисходительной улыбкой. «Это просто игра воображения между синевой египетской ночи и яркой искусственной подсветкой колонн.» Но говорить больше не хотелось. Она прошла несколько шагов медленно и молча, вспоминая, на чем остановила свой рассказ о древней цивилизации.

Яхсис слушал и испытывал странные чувства. С одной стороны, ему было жаль людей, которые не знали и никогда не узнают, что и как здесь происходило на самом деле; с другой стороны, он презирал людей за их глупые нелогичные выводы и исследования; ему было обидно, что имя его никому неизвестно, навеки стерто, старательно уничтожено, как и многие другие яркие имена...

Победители пишут историю. Новый царь, садясь на трон, разбивал трон старый. Народ не должен помнить побеждённого или сочувствовать ему. Побеждённый должен быть забыт. Или, в крайнем случае, о побежденном должны помнить только плохое, знать лишь о самых позорных и недостойных его деяниях.

«Жизнь – это джунгли, где сильный пожирает слабого и кормится его плотью», – Яхсис вспомнил слова восточного

философа.

Яхсис слушал Фаню. «Стук молоточков». Какая глупость. На колонну наносили специальный состав, очень похожий на современный цемент, и, пока он не высох, печатник, стоя на козлах, вдавливал формы знаков. Яхсис вспомнил, как Тамара пекла песочное печенье и выдавливала в раскатанном тесте кружки, звездочки и сердечки. «Скарабей – символ богатства». Бред какой. Смерть. В те времена скарабей означал смерть.

Фаня Брониславовна продолжила пафосно нести чушь.
– Хатшепсут – великая женщина-фараон, фараон-строитель, во время её правления Египет процветал, она правила двадцать лет и увековечила своё имя, созидавая, оставив после себя великий Карнак, а также свой погребальный Храм Дейр эль-Бахри...

Яхсис фыркнул. Ну, во-первых, не Хатшепсут. Все её звали Шатси, женщину, чьё изображение принято теперь считать Хатшепсут. Во-вторых, мумию Шатси так и не нашли, и не могли найти, потому что Сунти, её супруг, в порыве бешенства, скормил её нильским земноводным тварям, чтоб не смела она переродиться и царствовать в потустороннем.

Шатси никогда ничего не строила. В свои шестнадцать лет она была невероятно умна, безжалостна и красива. В восемнадцать она была красива, жестока и бесконечно развратна. В двадцать она была красива, хитра, лжива, расчетлива. Она сводила Сунти с ума. Столько страсти и похоти, готовности к

любым экспериментам он не встречал ранее ни в одной женщине. Шатси была бесстыже талантлива в закромах роскошных спален.

Она играла с ним, правителем, обижала его, изменяла ему со своим братом-близнецом. Она давала ему всё, чего он желал, но делала это так умело, ускользая, постоянно питая его чувство ревности и страх её потерять. Женщина-загадка, умеющая возбудить желание одной только игрой зачернённых глаз. Она требовала. Строить в честь неё грандиозные храмы, насиловать и убивать рабынь, особенно красивых. Хотела видеть свой лик везде. Вот и до сих пор сфинксы с её лицом взирают на Египетский ландшафт. И вот, эта «падшая женщина» увековечена в истории, ее каменные глазницы бесстрастно глядят на метаморфозы земель Египетских. А имена Яхсиса и Сунти неведомы никому, их знает лишь песок...

В двадцать два она вовсе потеряла связь с реальностью и решила, что она божество. Так часто бывает, когда слишком красивая, но пустая женщина, не зная отказов, не имея преград, с рождения, не испытывая никаких лишений и бед, рано и сразу получает всё – богатство и власть, при этом не сделав для этого ровным счётом ничего. Шатси любила плотские удовольствия, включая обильные застолья. Помимо пиршеств, она постоянно ела, и в двадцать два года она сильно растолстела, заимев второй подбородок. Под глазами появились отечные мешки, как результат злоупотребления

мёдом и сахарными напитками из тростника, сети морщин от постоянного нанесения черной сурьмы и позолоты на кожу век, сильно испортились и болели зубы, которые она никогда не чистила. Тело истощалось от бесконечных оргий. Но пока она была свежа и прекрасна, и даже пыль вокруг нее дышала похотью, Яхсис, несмотря на всю свою мудрость и опыт, тоже попался. Говорят, любовь зла. Правильно говорят. Но, скорее, это было помешательство.

До последнего Шатси не верила, что с ней могут так поступить. Она смеялась и плевала в лицо двум дебёлым прислужникам, которые волокли её к воде, выламывая руки. Скоро, осознав неизбежное, она ощутила сковывающий страх, животный всепоглощающий страх перед смертью, перед неизвестностью, и тело затряслось, во рту стало сухо, зубы стучали, выброшенный адреналин, казалось, плавил воздух вокруг, по ногам потекла моча.

Он видел, как ее терзали крокодилы. Тогда ему было жутко, сердце долбило в виски, ему хотелось не смотреть, но он не мог отвести глаз. Она быстро захлебнулась в грязной и бурой от ее же испражнений и крови воде, поэтому душераздирающе вопила недолго. Кровожадные изголодавшиеся рептилии быстро справились с легкой добычей. На какие-то мгновения элементы тела показывались на поверхность, выныривала часть плеча, часть бедра, часть ноги.... Яхсис вспомнил белые зефирки в стакане какао на кухне у Томи.

Январь 2018. Египет. Яхсис

Иногда Яхсису становилось скучно, как любому больному философу.

Где теперь его сотоварищи? Где Хадж? Где Тоти? Где их вожак Четвёртый? А впрочем... Зачем они ему? Жизнь здесь не так плоха, и ему никто не нужен.

«Все повторяется снова и снова, с вариациями и модификациями, вбросом новых переменных, но все это когда-то уже было».

Это случалось, в основном, в моменты голода или восстановления от физических ран. Ибо здоровое, красивое, наполненное до краёв энергией тело не мучается совестью и вопросами. Яхсис жил уже очень долго. Считать он давно перестал, это было утомительно, да и не было необходимости.

Почему люди никак не поймут, что им отмерено жить именно столько лет, а не двести или триста и всеми силами, копаясь в генетике, пытаются продлить свою агонию? Несомненно, изношенность шкурки и внутренних органов – это неприятненько, но что может быть хуже умерших эмоций? Кто клонирует радость? Кто распечатает на 3D-принтере дрожь первой влюблённости?

Брезгливость и жалость ушли, что было весьма полезно. Но жажду жить терять ой как не хотелось. Поэтому поедать Светлану было особенно приятно: страстная, переполненная

надеждами, искренне влюблённая, познавшая очищение духовной практикой, обладающая сильной нерастраченной репродуктивной энергией и находящаяся в тонкой синергии со вселенной, то есть двумя из трех НИА, она была идеальным лакомством. Яхсис не желал останавливаться и мгновенно отобрал всё, оставив пустое тело на милость безжалостному миру.

У Альберта не было НИА, но такого эмоционального всплеска Яхсис не мог пропустить и смаковал по полной. Альберт, в конце концов, его порадовал. Кто бы мог подумать – «вулкан страстей». Этого выброса Яхсису хватило надолго, появилась даже возможность дать Петруше передохнуть.

Сказать, что Египет его разочаровал, это значит не сказать ничего. Совсем не так он представлял своё возвращение туда, откуда начал своё путешествие по Земле, и подумывал: «А не ошибся ли он?» Здесь нечем питаться. Миллионы людей пустоты.

Для очередного заметания следов, чтобы уйти от Наблюдателей, необходимо было перейти и оставить это посредственное кошачье тельце. Конечно, он владел информацией о политике, природных катаклизмах, был в курсе о том, что происходит в мире. Но он не был готов к такому убожеству от земли, от которой ожидал так много. Некрасивые скелеты однотипных серых недостроек были везде. Бледно-оранжево наляпанные сувенирные лавки, растущие как попало,

словно зубы верблюда, заваленные однотипным алебастром и бестолковым китайским шмотьём. Старые побитые машины, облепленные глупыми надписями, носились беспорядочно, не имея ни малейшего понятия о правилах дорожного движения. И мусор. Мусор, принятый как данность, никого не удивляющий и не смущающий. Рай для крыс, бездомных котов и собак. Карнак его огорчил. Нужно попасть в Каир.

Он добирался бегом, иногда, если водитель его не замечал, на попутке. Очередной ночью, в пустыне его обнаружила Анна. Свидетелей у их встречи было немного: случайный фенек подозрительно приняхался и потрусил по своим делам. Ветер буянил на пустынном раздолье.

– Хватит. Ты достаточно опустошал, настала пора наполнить. – заявила свои права Исполнитель.

– Мне нужно увидеть Каир, – возмутился Яхсис.

– Увидеть Каир и умереть? – Анна искусственно захохотала, – ты опять хочешь улизнуть. Там нечего видеть, Яхсис, ты предсказуем для долгожителя, – она откинула волосы назад и засмеялась.

– Я не хочу, чтобы мой последний облик был таким.

– Слишком поздно думать о достоинстве. У тебя всегда находятся причины, чтобы задержаться. Ты переполнен! Ты избыточен и даже уже не сможешь скрыть себя от нас. Земля тоже голодна, её нужно кормить, дорогой.

– Нет! Анна, послушай! Да мы же с тобой делаем одно и то же!

– Нет. Я отдаю земле, а ты у неё отбираешь, – ее высокомерное лицо презрительно скривилось.

– Анна! У меня столько идей, столько планов. Именно сейчас, когда я так наполнен силой, я смогу дать этому миру столько всего, мне нужно просто правильно переродиться!

– Да-да, всё это я уже слышала. Переродившись, все забывают о своих обещаниях и благих намерениях.

– Я не готов!

– Не нам решать... Вы предатели своей Звезды. Я здесь, чтобы исполнить волю Основных.

– Бетельгейзе? Анна?! Ты не знаешь?! Её больше... – он не успел договорить.

В пустыне было идеально черно. Без оттенков и переливов, плоская чернь заполнила всё. Глазами они не видели друг друга, да им и не нужно было.

– Могу только пообещать, что сделаю это красиво, – перебила его Анна и подняла руки вверх, будто в мольбе. Небо вспыхнуло всего на мгновение, и в её руках оказался хопеш. Он светился, и древняя бронза с кружевными узорами отражала её красивое бледное лицо. Она поднялась в воздух, наклонив тело вперёд, босые ступни висели выше головы, платье чуть сползло, оголив икры и тонкие щиколотки, волосы ниспадали на лицо. Серп четко и звонко обезглавил маленькое тельце, в котором Яхсис принёс столько горя и страданий обычным сущностям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.